

«КУЛЬТУРОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОТЕХНИКА» (сообщение 2)

Г.П.: Коротко напомню то, что было в прошлый раз.

Первый пункт, который я сформулировал, и проводил, состоял, по сути дела, в развертывании, демонстрации на материале культуротехники и культурологии некоторых характерных онтологических и логических процессов, или определенных циклов развития мыследеятельности, которые можно наблюдать и на материале развития других областей. Я стремился показать, что появлению всякой предметной области предшествует, прежде всего, возникновение совершенно специфических ситуаций, в которых появляются новые деятельные отношения, и затем — новые типы технических действий.

Оформление технической деятельности как таковой, ее организация сопровождается выделением объектов техники, или технических воздействий, оформлением в материале мыследеятельности самих этих объектов и определенном наименовании их. Затем, уже на базе сложившихся таким образом структур деятельности, оформляются, прежде всего, для обеспечения процессов воспроизводства деятельности и трансляции культуры, специфические цели и задачи, которые превращают эту вновь, или впервые, сложившуюся деятельность в определенный стандарт.

Для обеспечения этой технической деятельности создаются различные знания, которые затем систематизируются. После того, как знания сложились и соорганизованы в систему, ставится вопрос об их объективном содержании и объекте. В связи с этим эти знания схематизируются, производится онтологизация и объективация полученных таким образом схем, и появляются объекты принципиально иного типа — объекты познавательного отношения или познавательной деятельности.

Параллельно выделению объектов познавательной деятельности происходит оформление предметов познания, в частности, предметов науки. Появляются научные исследования и научные дисциплины.

Эта схема служила для меня средством при рассмотрении культуротехники и культурологии. В известной мере я ее не извлекал из самого материала культуротехники и культурологии, хотя, конечно, при этом передо мной витали всевозможные сопоставления и аналогии. Поэтому я не случайно говорю, что то, что я выявлял и выделял здесь на материале культуротехники и культурологии, может быть выявлено в любой другой области. И, собственно, мы это раньше и делали. Но материал культурологии и культуротехники интересен, в частности, тем, что там это все выявляется достаточно отчетливо и прозрачно. Можно сказать, что в этом плане культуротехника и культурология дает нам благодатный материал.

Проведя такого рода расщепление на схему-средство, материал, организуемый с помощью этой схемы, я попытался продемонстрировать развертывание такого рода логики. С одной стороны, на исторических ситуациях формирования культурологии, а с другой стороны, на ситуациях развития ММК, и проводил прямые параллели между одним и другим. За прошедшее с тех пор время — около месяца — я вчерне познакомился с ситуацией возникновения культурологической концепции Уайта в США. И там — без какой-либо реконструкции, и просто по тому, что было зафиксировано как некие факты, совершенно безотносительно к этой схеме — можно увидеть, что, фактически, и там, независимо, вроде бы, во многом независимо от европейской традиции повторилась та же самая ситуация. И он, фактически, открыл культурологию заново, вроде бы, по той же самой логике, которую я здесь описывал, ссылаясь на ситуацию Риккерта и на нашу собственную ситуацию.

При этом я особенно резко выделял три группы проблем.

Первая — это связь культурологии с культуротехникой. Я даже утверждал, если вы помните, что появление чисто умозрительных культурологий, не связанных с теми или иными

культуротехническими целями, задачами и установками, делает такую культурологию неэффективной и можно даже сказать — во многом бессмысленной.

Вторая проблема, которую я специально фиксировал, касается фаз и этапов формирования объекта культурологии и, в частности, его отношения к объекту культуротехники, с одной стороны, и его зависимости от структуры познавательного предмета, с другой стороны.

И третья группа проблем, которую я выделял, касается уже фаз и этапов становления самих предметов изучения, т.е. культурологии как предметной организации.

В контексте анализа второго из только что названных пунктов, а именно, проблемы формирования объекта культурологии, я зафиксировал парадокс функционального и морфологического представления объекта культурологии. Или, иначе говоря, культуры как объекта научного изучения. Я сейчас уже не помню, насколько детально и конкретно я обсуждал этот парадокс, может быть, он был только назван весьма схематически и поверхностно, а может быть, мы там что-то обсуждали и более детально. Я просто не смог этого вспомнить. Во всяком случае, это обстоятельство было зафиксировано, и сейчас я обращаю на это ваше внимание, поскольку дальше, опираясь на это внутреннее противоречие между функциональным и морфологическим представлениями объекта, я буду рассматривать, с одной стороны, становление и развитие различных концепций культуры, а с другой стороны, попробую наметить общую линию развития культуротехник разного рода как особых служб, возникающих в деятельности, и становление и развитие самой культуры как функциональной организованности внутри универсума деятельности.

Ну, и, наконец, последний пункт, который я хочу здесь отметить, это то, что мы невольно вышли, и так это у меня и было запланировано по докладу, на вопрос о соотношении культуры и социальной организации — двух основных факторов, которые мы выдвигаем в оппозиции к «психологическому».

Эти моменты мне важны для соединения того, что я буду обсуждать сегодня, с тем, что я обсуждал в прошлый раз. Хотя, конечно, в нашем предшествующем обсуждении было затронуто много других интересных моментов. Но они сейчас уже принадлежат, для меня, прошлому.

Тут есть какие-то вопросы и замечания?

Яковлев А.: Материал этой Вашей схемы — это исторический материал?

Г.П.: Этот материал существует на пересечении исторического и деятельностного описания. Грубо я мог бы ответить простым «да» на Ваш вопрос. Но поскольку я думаю, что за этим вопросом стоит целый ряд очень тонких аспектов, у Вас, Толя, то я отвечаю, соответственно, тоньше. Потому что ведь вопрос, вообще, об историческом материале невероятно сложен. И, собственно, именно обсуждение вопроса о материале истории, или о материале исторического исследования и приводит к выделению культуры как таковой — у Риккерта и английской школы изучения культуры. А у нас это приводит к выделению действительности деятельности. Причем, именно воспроизводящейся деятельности. Поэтому, поскольку Вы так спрашиваете, «что является материалом для этой схемы», а схема эта у меня, будучи генетической по сути своей или фиксирующей некоторые циклы развития, вместе с тем является предметной и претендует на научность, поскольку я не могу Вам просто ответить, что ее материалом является материал истории, ибо этот материал истории должен быть еще определенным образом предметизован. Т.е., если апеллировать сейчас к нашим, прошлых лет, обсуждениям истории, исторического процесса (это работы второй половины 60-х годов — 64, 65, 66, 68 гг.), того, что я там называл *историей-3*, различал разные понятия истории... Так вот, эта предметизованная история — она погружается в материал деятельности, как бы, поскольку это процесс генетический и он должен быть предметно оформлен. Т.е. это материал предметизованной истории. А история, вроде бы, в наших представлениях, допускает только одну предметизацию — деятельностную. Или — универсумально-деятельностную. Поэтому я Вам так и отвечаю.

Як: У меня в связи с этим второй вопрос. Новая ситуация, в которой появляются новые деятельность, отношения, действия. Как она описывается? Тоже на пересечении?

Г.П.: Тоже на пересечении.

Як: Очень интересно, как это происходит? Когда я слушал пленку первого заседания, то мне показалось, что чисто исторически.

Г.П.: Нет, поскольку я же этого еще не касался, я же это буду делать только сегодня.

Як: А то, что Вы делали в первой части?

Г.П.: Постольку, поскольку я рассказывал вам деятельностьную рефлексию, то там такой был заход. Я начинал с истории ММК, как она представлена в моем сознании, как социальное и социокультурное действие. И, следовательно, у меня с самого начала это было включено в деятельностьный контекст. Я же задавал позицию *актера* в этой ситуации, и активно действующего: социотехника, культуротехника и т.д. Постольку у меня не могло быть чисто исторической точки зрения, а могла быть и должна была быть прежде всего деятельностьная точка зрения. Ведь историческая точка зрения возникает в ретроспективном анализе. В этом смысле, Геродот — создатель истории как таковой, и задает эту модель историка как такового. А именно: ему надо описать греко-персидские войны; он современником их не является; но еще живут современники этих войн, он начинает собирать байки, разного рода предания и проводит исследование их на предмет выяснения истины. И это исследование и есть «история», так рождается термин. И в этом смысле историческое исследование, может быть, первым, задает *познавательное отношение* как таковое. За счет разрыва во времени, того, что, вроде бы, не могло быть в натурально ориентированных науках и, вообще, в этой исходной диалектике природы и философии природы. Природа, вроде бы, остается одной и той же. Меняющаяся природа, как бы историческая природа, дана нам только через действия людей — через поступки, через историю людей.

Кстати, вы хорошо знаете, что собственно исторический взгляд на природу появляется очень поздно, у Канта и Гегеля, по словам Энгельса. И это, в принципе-то, правдоподобно очень. Ну, если даже вы возьмете 1725 год — Вико, то все равно ничего не меняется. Но и у Вико история есть прежде всего история человеческих действий, а не история природы. Хотя он уже представляет историю как новую науку о всем. Но история природы как таковой выделяется позднее. Поэтому чисто познавательное отношение могло, наверное, появляться только в этой исторической ретроспекции, в историческом исследовании. Там оно сформировалось, а потом было перенесено на природу.

А у меня в прошлый раз был другой заход. Я исходил прежде всего из деятельной, социотехнической точки зрения. Можно было бы, наверное, точнее сказать так: из социотехнической, культуротехнической, просто технической точки зрения. А следовательно, из деятельностьного представления и подхода. Хотя это пересечение я специально не обсуждал. Вроде бы оно имплицитно, само собой вводилось. А рефлексивно, эксплицитно — не обсуждалось дополнительно.

Як: А «Я» — это докладывающий?

Г.П.: Да. Но докладывающий о собственной технике. Как бывший техник. Поэтому это, фактически, у меня рефлексия опыта, по первоначалу.

Як: А сейчас, значит, будет какая-то попытка схематизации, скажем, возникновения новой ситуации, или соотношения старой и новой ситуации?

Г.П.: Ну, в рамках ситуативного анализа я это не предполагал делать, это очень сложный вопрос. Деятельный анализ не входил в мои задачи.

Як: Поэтому здесь есть указание на рефлексивный опыт и анализ ситуации является открытой возможностью?

Г.П.: Да. Итак, как я наметил только что, я в этом плане хочу рассмотреть два таких во многом независимых, хотя и связанных друг с другом слоя, а именно — сначала слой формирования культурологии в Европе и в какой-то мере в США, а затем слой формирования самих культуротехник и культуры как таковой в плане уже истории самой деятельности.

Признается всеми, что изучение культуры начинается с Генриха Риккерта. Это ходячая точка зрения. Но сам по себе Генрих Риккерт еще не положил начало культурологии как таковой. Он лишь отметил факт существования культуры, и для него понятие культуры служило, в первую очередь, объяснительным принципом. Он таким образом членил как бы два мира: мир природы, где действуют законы, мир номотетики, и мир культуры, где законы не действуют, где должна осуществляться предельная индивидуализация, где работает история в широком смысле слова, т.е. там, где мы должны пользоваться методами идеографии.

Сейчас многие грубо мыслящие писатели отождествляют идеографическое с историческим, что не очень точно. Но они правы, безусловно, в том, что для Генриха Риккерта культура еще не была предметом специального изучения. В той мере, в какой на третьем или четвертом этапе своего индивидуального развития Генрих Риккерт обращался к анализу культуры, он его сводил, скорее, к миру ценностей, имевших абсолютное идеальное существование. И в этом плане его представление о культуре было невероятно бедным. Его можно рассматривать в рамках развития предмета аксиологии. Это было в какой-то мере, хотя тоже грубо, прикидочно, сделано в рамках нашего кружка в работах Эмиля Смокуна, и очень детально обсуждалось в проблематике формирования аксиологии как особого предмета, или предмета особого типа. Я сейчас не буду к этому возвращаться, мне важно лишь подчеркнуть один момент: что эти идеи Генриха Риккерта, введение им категории культуры, дало очень мощный толчок самым разным направлениям, получило очень много откликов в самых разных областях и в конце XIX-го, самых первых годах XX-го столетия дало начало — за счет работы многих и многих людей — тому, что мы называем культурологией.

Значит, практически, не Генрих Риккерт создал культурологию. Он лишь задал этот мир культуры. Но очень быстро его идея была подхвачена, следовательно, условия-то, в общем, созрели, и в прошлый раз мы немножко обсуждали их, эти социальные условия. Это огромная миссионерская работа, столкновение с другими, как бы, культурами; с другой стороны, нарастание революционной борьбы, раскол самой европейской культуры. И хотя он стал очевидным в начале первой мировой войны, — в общественном сознании эта война явилась как факт раскола, упадка европейской культуры и была невероятно сложным переломом для интеллигентского сознания, — подготовку этого раскола чувствовали очень многие за 15-20 лет до самой войны. Поэтому... Может быть, за счет того, что мы сейчас называем научно-технической революцией, потому что, как вы знаете, именно 80-е годы прошлого столетия в Европе были годами перехода ко всеобщему обязательному обучению, к втягиванию очень широких масс в систему образования — гимназического и высшего, причем, процесс этот происходил невероятно бурно, образование становилось обязанностью каждого гражданина, следовательно, производилось деклассирование образования, разрушались все привычные формы организации и трансляции культуры, обучения ей, воспроизводства... Вот это все уже было, и поэтому можно сказать, что ситуация-то была уже практически подготовлена, и Генрих Риккерт бросил только кристалл, который моментально дал массу очень сложных порождений.

И, в частности, здесь возникло два очень близких друг к другу направления. Это, с одной стороны, теория культурных кругов, основателем которой считают Гребнера, а с другой стороны — культурно-историческая школа патера Вильгельма Шмидта, или австрийская, венская школа. Среди отцов-основоположников, оказавших особое влияние на Гребнера, называют антропогеографа Ратцеля, Фробениуса — этнографа, и связывают, соотносят Гребнера со Смэтсом и его теорией холлизма, которая формировалась, главным образом, параллельно. В принципе, все это направление теории культурных кругов относят к так называемому диффузионизму в обсуждении методологических проблем истории, исторического процесса.

Первой большой работой, уже конкретной, такой культурологической, с которой ведет свое начало все это направление, считается гребнеровская работа 1905 года. Непосредственно в этот кружок входили Краузе, Аккерман, Фой и, наконец, Шмидт. Хотя Вильгельм Шмидт с самого начала противопоставил идее культурных кругов идею исторической эволюции. И поэтому, практически одновременно с появлением этого направления «культурных кругов»

возникает культурно-историческая школа, на год лишь позже; датируют ее обычно с основания журнала «Anthropos», которое было в 1906 году.

И то, и другое направление, что говорит о тесной связи всего этого круга идей с миссионерской работой, носило, в основном, клерикальный характер. И так и закрепилось в истории именно как культурно-циклические или культурно-исторические школы, по своей идеологии связанные с католицизмом.

К культурно-исторической школе принадлежали Копперс, Шебеста, Гузинде, Голомб и другие, а людьми, сильно повлиявшими на это направление, считают Гроссе и малоизвестного у нас немецкого философа Фиркханда, который оказал <влияние>, как это сейчас выясняется, на многих немецких и европейских мыслителей в самых разных областях. Но мне он плохо знаком, хотя в последнее десятилетие я все чаще и чаще сталкиваюсь со ссылками самых разных людей на большое влияние его работ.

Почти одновременно и параллельно с этим, но точно так же под влиянием Риккерта, возникает английская школа изучения культуры, куда обычно относят Фрэзера, с его всемирно известными работами, Риверса, Вестмарка и других.

Работы Генриха Риккерта и теория культурных кругов Грэбнера оказали очень большое влияние на Бронислава Малиновского, который и выступает в качестве того человека, который, по сути дела, связал немецкую и английскую школы. Свою работу Б.Малиновский начинает непосредственно у В.Вундта и под влиянием идей Volkens-psychologie, которая представляет собой очень интересное сочетание психологистического социологизма и психологистического культурологизма. И, наверное, именно с этой точки зрения, в ряду других планов, должна точно так же рассматриваться. После нескольких лет учебы у Вундта и совместной работы с ним Бронислав Малиновский вступает в очень тесные контакты с Фрэзером и Вестмарком и уже непосредственно под их влиянием проводит целый ряд этнографических и этноантропологических исследований. Именно он является создателем функциональной теории культуры и одновременно — создателем психологистического направления в культурологии и социологии. Этот ход к введению собственно функциональных представлений был невероятно важен в формировании самого представления о культуре как объекте изучения. И в этом плане работы Б.Малиновского представляют собой очень важный и принципиальный вклад в развитие всего этого круга идей.

Как создатель функциональной, с одной стороны, психологистической — с другой, концепции, Б.Малиновский оказал очень большое влияние на американские школы и был своего рода проводником идей культурологии в США. Хотя это культурологическое направление возникает в США и независимо от его влияния. В частности, благодаря работам и деятельности Альфреда Луиса Крэбера. Крэбер продолжал идеи американской исторической школы. Ее истоки можно было бы проследить еще отдельно. Потом он испытал очень сильное влияние Б.Малиновского и Макса Вебера. Эволюция взглядов самого Крэбера тоже была достаточно сложной, и до 30-х годов его взгляды выражали одну концепционную позицию, а где-то на рубеже 30-х и 40-х годов он точно так же испытал очень большое влияние холизма Смэтса и в связи с этим во многом трансформировал свои взгляды.

Крэбер положил начало очень большой школе американских этнографов, этносоциологов, антропологов. Только классическими считаются: статья его в 1935 году «История и наука в антропологии», а затем работа 1944 года, уже новый период, — «Очертания роста культуры», и работа 1960 года (это год его смерти) «Эволюция, история и культура».

И, наконец, как я уже сказал, культурология в совершенно новом повороте еще раз создается в США, уже под большим влиянием идей Парсонса, а следовательно, и идей марксизма, которые Парсонс сознательно снимал, У.Ф.Уайтом. Работа Уайта «Общество на углу улицы», вышедшая в 1943 году, считается классическим исследованием, во-первых, выделяющим культуру как действующий фактор жизнедеятельности, в той очень интересной форме, которую мы привыкли сегодня называть «субкультурой», и, во-вторых, в отношении к собственно социальной организации. Поэтому Уайт был тем философом и социологом, который четче и резче всех, по-видимому, поставил эту проблему противопоставленности культуры и социальной организации, а с другой стороны, показал конкретную связь их. Я

полагаю, что многие из работ Уайта должны быть переведены, дабы мы были избавлены от необходимости открывать велосипеды. Это работа 1948 года «Человеческие отношения в ресторанной индустрии», работа 1951 года «Образы мира в индустрии», работа 1959 года «Человек и организация» и 1961 года «Человек и его работа» — прообраз наших ленинградских исследований Ядова и Здравомыслова.

У нас Уайт стал духовным отцом Э.Маркаряна. И, собственно, Уайт дал школу не только в США, но и в Советском Союзе — ереванско-московскую школу. По сути дела, первые статьи, работы Маркаряна — это пересказ некоторых не очень хорошо понятых идей Уайта. И своего рода смесь из Уайта и того, что он слышал у нас на семинаре, начиная с 1962 года.

Я отнюдь не уверен в том, что я назвал все основные линии. Даже если треть, то неплохо. Кое-что я выпустил сознательно; все европейские культурно-исторические концепции, которые формировались между первой и второй мировыми войнами, точнее, в преддверии второй мировой войны, и тем более — после нее. Ибо это уже поздняя история, которую нужно обсуждать особо. Я думаю, что кое-какие сведения мы можем почерпнуть из переведенной нами книжки Крэбера и Клакхома «Понятие культуры».

Возвращаясь назад, в плане выделения этих основных линий, я бы поставил для себя, для всех нас, для дальнейшей работы целый ряд вопросов, которые существенны, но до сих пор не получили какого-то разрешения. Очень хотелось бы выяснить, какую роль сыграла кантианская традиция в выделении самого этого понятия культуры. Здесь особый интерес, для меня во всяком случае, представляет соотнесение между культурологическим и собственно социологическим заходом. Я так вспоминаю сейчас, что наше более тесное знакомство с Павлом Малиновским началось с того, что я пытался склонить его на детальное исследование и обсуждение именно этой проблематики. Проследивание шагов, фаз разделения социального и культурного.

Последние размышления на этот счет — они, конечно, сиюминутны, поверхностны, моментны — заставляют меня фиксировать даже какой-то момент психологического типа. Т.е. здесь очень интересна эта линия кантовского идеализма... Я не случайно говорю здесь «идеализма», хотя, конечно, Кант был реалист, но я сейчас употребляю слово «идеализм» совершенно в другом смысле.

Ма: В смысле его практической философии?

Г.П.: Идеалист в противоположность позитивисту. Для меня сегодня оппозиция идеализма и позитивизма выступает как оппозиция деятельности и мышления. Я бы сейчас идеалистом назвал того, кто строит свою жизнь в соответствии с действительностью мышления, т.е. идеальными объектами жизни. А позитивистом я бы назвал того, кто строит свою жизнь в соответствии с реальными ситуациями окружающей его деятельности. Это, если хотите, психологистические ориентации, <которые> находят свое отражение в разделении, если хотите, социологической ориентации и культурологической ориентации для идеалистов. Я не говорю об этом как о прагматизме, поскольку, как вы хорошо знаете, в Европе прагматизма не было. Прагматизм есть явление сугубо американское. И оно до сих пор остается американским, а не европейским. И вы можете опять же сводить это к некоторой социокультурной организации Европы. Но в Европе в этом смысле не было прагматизма. Прагматизм был в России и США. Это две прагматически ориентированные страны. Может быть, потому, что они находятся на периферии европейской культуры. И постоянно испытывают давление природы Востока, Дикого Запада... Я не знаю, может быть в этом смысл дела, но эта оппозиция идеализма и позитивизма, в этом смысле — социологии и культурологии, проходит через всю культурную и социальную жизнь Европы XIX-го и XX-го веков. Т.е. я бы протянул это от О.Конта — социологию и позитивизм, затем к Дюркгейму, и постарался бы понять, почему именно Дюркгейм кладет основание для социологии, и Генрих Риккерт — основание для культурологии. Вот этот круг вопросов, как мне представляется, был бы здесь крайне важным.

П.Щ.: Это перечисление какую линию вскрывало?

Г.П.: Культурологическую.

П.Щ.: Т.е. исследование культуры. Это странно. В книге Крэбера и Клакхома указывается, что первым, кто употребил в Германии сам термин «культура»... не помню его фамилию... тот, кто написал «Всеобщую историю культуры», и «Историю немецкой культуры» в не-скольких томах в период между 1848-м и 1860-м годами. Этот пункт остается не ясным. Ведь вроде бы сам заход был на исследование культуры.

Г.П.: В этих работах, о которых ты говоришь, никакого исследования культуры, как я стремился показать в прошлый раз, нет и быть не может. Именно эти твои слова «на исследование культуры», а, следовательно, ни на что, а именно — ни на культуротехнику в различных ее формах, как развитие немецкой культуры, филологии, языка и т.д., — я и хочу подчеркнуть. Потому что в Германии все это имеет очень глубокие основания. Если проследить, откуда все это рождается, скажем, у того же Генриха Риккерта, то нужно будет назвать огромное количество людей, в том числе и тех, кого ты сейчас имеешь в виду. Потому что была невероятно сложная линия, связанная с В.Гумбольдом. И здесь закладывается представление о национальной немецкой культуре. И эта линия продолжается и проходит через психологистическое направление Штейнтала, захватывает всю немецкую лингвистику, и там эта национальная культуротехника разворачивается прежде всего через службы языка. Поэтому лингвистика невероятно тесно связана с культуротехникой.

С другой стороны, это проблематика возникает, параллельно с Генрихом Риккертом, у Дильтея. И во всей философии жизни. И даже непонятно, кто, собственно, создает по-настоящему это представление о культуре — Риккерт или Дильтей. Скорее — Дильтей.

Но что интересно? У Дильтея это получает совершенно другое направление. И поэтому, когда возникает культурология, именно как «логия», как исследование культуры, то никто на Дильтея не ссылается. И тоже понятно, почему. Наконец, есть невероятно сложная вещь, предшествовавшая работам Риккерта. Это — педагогические работы Адольфа Дистервега, который уже выдвинул понятие культуры как основное понятие, определяющее систему национального образования, обучения и воспитания. И в этом смысле Дильтей формулирует даже принцип — *принцип культуросообразности* в противоположность принципу природосообразности у Ж.-Ж.Руссо. И Адольф Дистервег развивает это понятие на почве немецкой педагогики очень широко и фундаментально. Но это, опять же, все разворачивалось в рамках культуротехники, а не культурологии как таковой. Поэтому здесь будут целые мощные линии, но я их так достаточно искусственно вырубая, ставя в резкую оппозицию друг к другу культуротехнику с апелляцией к понятию культуры и культурологию как таковую. А поскольку я в предшествующей схеме разделял эти два момента и очень подробно обсуждал фактически неизоморфность одного и другого, и даже подчеркивал, что соответственно этому и понятия культуры в культуротехнике и культурологии будут совершенно разными.

П.Щ.: А работы Конта, который ставил вопросы о культуре, и, скажем, в 1822 году он написал программу перестройки общества и создания единого мировоззрения, единой системы наук и т.д., и т.п.? Это тоже может рассматриваться как культуротехническая работа, а не как культурологическая.

Г.П.: Я думаю, что О.Конт этого не делал. Я думаю, что у О.Конта моменты культурного и социального не различались и не разделялись. Так же, как и у В.Вундта. Хотя и у Вундта, и у Конта безусловно содержалось и должно было содержаться и то и другое.

Поэтому я бы считал необходимым специально более детально все это изучать. Я отнюдь не считаю себя специалистом в этой области и отнюдь не буду настаивать на точности, правильности того, что я здесь излагал. Это должно быть предметом специального изучения. Мне важно было лишь подкинуть некоторый материал для ориентации и критики. Это первые наброски.

П.Щ.: Понятно. Но еще две фамилии. Это Шпенглер.

Г.П.: Шпенглер когда работал?

П.Щ.: Позже. Про Вундта ты вроде бы ответил, хотя, с моей точки зрения, это именно исследование культуры. Конечно, в связи с социологическим. Но здесь...

Г.П.: Кстати, это не есть изучение культуры. Это изучение *Volkspsychologie und Volkerspsychologie*. Я буду специально обсуждать вопрос о погружении культуры в человека и об уничтожении культуры за счет этого погружения. Смысл самого этого понятия у Вундта и состоял в том, чтобы не заниматься культурой. А дать всему этому психологистическую трактовку. Причем, вроде бы, с точки зрения наших системодетельностных представлений, понятно, что они все делают. Поскольку любые вещи, процессы, отправления человеческие, сам человек есть не что иное как реализация культуры, и в этом смысле — частичные носители культуры. Но вот можно ли производить такое отождествление, склеивая культуру как таковую с ее реализациями? Я утверждаю, что нет, и говорю, что собственно исследование культуры как таковое начинается и вообще становится возможным лишь после того, как все это разделено. Постольку, поскольку В.Вундт не различал этого, постольку у него и не могло быть в принципе культурологии, а была именно психология народов. И изучать это нужно было, с его точки зрения, психологически. Что же касается Освальда Шпенглера,...

П.Щ.: Почему психологически? И изучать это надо было другими методами, чем физиологическую психологию.

Г.П.: А тут ты делаешь натяжку. Физиологическая психология, психологическая физиология — одно, а психология — другое. Кстати, В.Вундт вроде бы считал, что подлинная психология и есть психология народов. И, собственно, изучение психологии народов и есть психологическое изучение как таковое. Оно для него совпадало с психологическим. И теперь возникает такой вопрос: а можно ли выходить на культуру, работая в рамках психологии? Я бы мог сказать так: сама психология существует как антитеза культурологии. И постольку, поскольку границы применимости психологии как научной дисциплины не определены, постольку психология все время превращается в психологизм. Эта граница между психологией и психологизмом очень шаткая, стертая, непроведенная. Поэтому сегодня психологический подход неизбежно выливается в психологистический.

Больше того, я вообще считаю, что психология как таковая станет возможной лишь после того, как будет развита культурология, и на базе ее; т.е. отношение должно быть обратным: мы к психологии можем прийти только после отработки культурологии и социологии.

Постольку, поскольку этого у В.Вундта не было, у него не могло быть ни выхода к культуре, ни выхода к социологии. С моей точки зрения, сам Вундт есть в этом плане тупиковый ход. Тупиковый принципиально. Хотя он мог сделать целый ряд важных исторических вкладов в развитие психологии и даже представления о культуре. Но в принципе то, что предлагал Вундт, несмотря на все исторические вклады, есть тупик.

Смотри, что я говорю. Никакой психологии народов нет и быть не может. Все это нонсенс, так же как не может быть круглого квадрата. Поэтому, все то, что в этом плане писал об этом Вундт, как бы мы это ни интерпретировали, есть тупик.

П.Щ.: А Шпенглер?

Г.П.: А Шпенглер был сначала сторонником теории «культурных кругов», а затем развивал эти идеи, создал свою собственную концепцию циклического развития культур. Но я специально отметил, что периодом после войны я специально не занимался. Там десятки имен, которые должны проследиваться специально.

П.Щ.: И вопрос об Уайте. Он что, сам по себе?

Г.П.: Да.

П.Щ.: Ведь были в 32-36-м годах <представители> культурологических направлений в Америке... Маргарет Мид, Бенедикт... И Уайт был психолог, он шел от психологии, его работы были спровоцированы тем, что ругались между собой повара и официанты, и было предложение стенку между ними поставить. Но он решал чисто практические

психотехнические задачи. И отсюда вышел на идею культуры. Поэтому, что значит «открыл заново»?

Г.П.: Во-первых, Уайт не был психологом и не занимался никакой психологией. Во-вторых, ни Мид, ни Бенедикт культурологами вообще не являются. В принципе. Но я бы добавил, опять-таки, что мне это очень не ясно. И какие там существовали связи между чикагской функциональной школой, и как это все разворачивалось, и Уайтом, и что он заимствовал, я все это плохо себе представляю, поскольку все это надо специально исследовать. А у нас это не исследовалось, и мы этого не знаем. И то, как Маркарян это рассказывает, тоже вроде бы как-то невразумительно.

Ма: Можно ли сказать, что надо говорить не только о культуротехнике и культурологии, но и о культуроведении? Те работы, на которые указывал Петя — это культуроведение. А признак, по которому можно выделить культурологию, состоит в том, что Риккерт ввел в сонм тогдашних культур наук о культуре, соотнес ее с другими дисциплинами, тем самым определил ее место.

Г.П.: Наверное. Это был бы хороший ход. И мне он очень симпатичен. Что нужно еще, действительно, вводить культуроведение и называть таким образом знаниевые надстройки, которые возникают, как языковедение, искусствоведение, музыковедение, литературоведение и т.д. Без четкого выделения научного предмета.

Ма: Второй вопрос. Можно ли рассматривать программу Конта и все, что он там создавал, как социокультурное действие? А не как культуротехническое?

Г.П.: Тут надо различить два плана. Я, вроде бы, понимаю, о чем Вы спрашиваете, в чем тут трудности состоят. Все, конечно, зависит от интерпретации. Если мы становимся в заимствованную позицию, переходим как бы на позицию О.Конта, то он, конечно, культуротехникой не занимался. Он строил социальную программу. В том числе социальную программу для наук разного рода. Намечал этапы, фазы наук, человеческого мышления, разума и т.д. Вот теперь, когда мы это рассматриваем сквозь призму наших нынешних расчленений, мы должны сказать, что О.Конт занимался в первую очередь культуротехникой. И как социотехник он оказался вообще грошовый. А вот как культуротехник он оказался достаточно мощным, породил позитивизм как таковой, целый ряд новых направлений, которые имеют не столько непосредственно социальный, сколько культурный и идеологический смысл. Поэтому с нашей современной точки зрения нужно говорить, что Конт сам — как философ, социолог — был культуротехник. Но если бы мы сказали это ему, он бы замахал руками и сказал бы: «Чур меня!». И вот на этом расхождении трактовок: заимствованной позиции, понимания, и из внешней позиции, дающей как бы объективную, и в этом смысле абсолютную, характеристику,...

Ма: Конт породил не только культурное течение, но и целую идеологию, которая нашла отражение во многих областях жизни социума, В этом смысле, нельзя ее рассматривать культурологически.

Г.П.: Я все время говорю следующее. Применяя эту схему 1979 года — сферно-фокусную. Дело не в том, каков объект, а в том, где вы сами находитесь, какие очки на вас надеты. Поэтому получается следующая вещь: вы становитесь в заимствованную позицию самого Огюста Конта — у вас будет одно. А если вы говорите с позиций одной из этих деятельностных техник, вы... И каждый скажет про один и тот же объект свое.

Поливанова С.: А Вы с какой рассуждаете позиции?

Г.П.: С культурологической, поскольку я на это работаю. Или с обслуживающих ее позиций. И отсюда особенности моего видения.

Ве: Но тогда вопрос об истинности суждений не стоит. И правомерно ли Ваше утверждение, с позиций культуролога, что Конт не был культуротехником?

Г.П.: Верно. Если Вы учтете различие проспективного и ретроспективного. Все зависит от того, на какую позицию Вы становитесь. Вот Вы стоите в культурологической позиции. Теперь Вы производите это отношение отождествления, понимания... Это одно. Если Вы становитесь в позицию объективного описания, то это другое. Кстати, я поэтому разделил все как бы в два слоя. Одно, касательно идей и концепций, я веду в одной манере. А дальше, во втором слое, когда я буду обсуждать культуру и культуротехнику — тоже, кстати, с культурологической позиции, но уже не по идеям культурологическим, а по культуре самой и службам культуры, то я спроецирую культуротехнику в далекое прошлое, и у меня вообще храмы с их куклами окажутся культуротехническими службами. И тогда я вообще скажу, что человеческое общество рождается вместе с культуротехникой, а культуротехника — вместе с человеческим обществом. Только формы этого меняются. И начнется совершенно другой разговор по объекту. Это два совершенно разных плана. И я подчеркивал, что хотя они связаны, соотнесены друг с другом сложным образом, но тем не менее это принципиально разные планы.

Ма: Короче говоря, возвращаясь к вопросу Толи, Вы должны ответить, что мы имеем дело не с историческим материалом, а с деятельностным. И все наши вопросы об истине в этом отношении ложны.

Г.П.: Это не совсем так. Я отвечал, что я имею дело с пересечением деятельности и исторического.

Ма: Сейчас наши вопросы заставляют Вас уйти с этого пересечения и занять очень жесткую позицию.

Г.П.: Я остаюсь на этом пересечении, и все время говорю об одном и другом аспекте, об одном и другом плане. Я готов, как ефремовский корабль, соскользнуть в мир или антимир, куда мне будет выгоднее или нужно для решения моих задач.

Ма: Вопрос из антимира. Нужно ли понимать, что расхождение между германской культурологической школой и французской социологической школой Вы объясняете социокультурной ситуацией в Германии и во Франции?

Г.П.: Не знаю. Это Ваша тема. Я уже много лет жду хоть каких-то ответов на эти вопросы.

Як: Как использовать то, что Вы сказали об идеализме, в исследовании происхождения культурологического подхода?

Г.П.: Это особый разговор. Фактически, ведь я на этом строил всю первую часть доклада, и дальше буду строить все. Я утверждал в прошлый раз, что культура не может быть отнесена к непосредственно схватываемым, практическим или эмпирическим объектам. Для того, чтобы стала возможной культурология, нужно сконструировать культуру как *идеальный объект*. И это делается за счет таких сложных очень действий в истории и соотношений, перебросок из одной области в другую, и только через целый ряд таких перебросов и превращений, связанных с этим, у нас складывается представление о культуре как об объекте. При этом сохраняется тот парадокс функционального-морфологического, который я буду обсуждать, поскольку он существен. Что же касается социального, то социальное, в этом плане, принадлежит к практическим, непосредственным, эмпирическим объектам.

По: ...

Г.П.: Отношение культурологии к эмпирии много сложнее, чем отношение к этой эмпирии социологии. И это невероятно сложно. Собственно говоря, ведь задача состоит в том, чтобы проделать работу по рационализации этих предметов — социологии и культурологии. Так, вроде бы они принадлежат к принципиально разным типам. Хотя социальное и культурное, и психологическое, личностное должны быть еще особым образом стянуты, сведены друг с другом как чужеродные, т.е. разнотипные.

Кстати, в этом плане вчера мы проделали невероятно интересную работу на рефлексии четверга, которая идет прямо сюда. В наших четверговых заседаниях проявляется эта сложность и эта проблематика. Мы, больше того, на уровне операторики и рассуждения, как бы

дискурса, захватили и то, и другое. И вынуждены будем это анализировать не только в плане действительности мышления, как я провожу это сейчас, но и в плане реальной коммуникации и мыследействия между нами. Там это различие выступает реально.

Возвращаясь обратно, я повторяю. В этом смысле культурология имеет только идеальный объект, и вопрос о том, как найти ее эмпирический объект, невероятно сложен. Но, кстати, так же, как для политэкономии с ее учением о формациях. Формацию, в этом смысле, сколько ни ищите, в эмпирии не найдете. Точно так же и культуру вы в эмпирии не найдете. Ее нет. А социальные отношения — вы можете щупать, взаимодействовать с ними, расшибаться о них, реально, телом своим.

Як: Объект культурологии отличен от объекта культуротехники?

Г.П.: Да. И культуротехника не имеет своего объекта. Культуротехника имеет бесчисленное множество разных маленьких объектов. И культуротехнике, между прочим, вообще объект не нужен как таковой.

Смотрите: культурология едина, а культуротехники множественны.

Як: Но у этой маленькой культуротехники есть, наверное, какой-то маленький объект?

Г.П.: Но не культура.

Ве: Культуротехника появляется тогда, когда сформируется культурология, говорили Вы.

Г.П.: Культуротехника оформляется как единая культуротехника только с появлением культурологии, но тогда она уже не культуротехника, а инженерия. Культуроинженерия, и она едина. А культуротехники имеют маленькие культурные объекты, единички культуры.

Як: Они существуют эмпирически?

Г.П.: Да.

Ма: Может быть, они существуют технически, а не эмпирически?

Г.П.: Да, конечно. Поскольку эмпирическое существует только для науки.

Теперь буквально несколько слов по поводу разных групп и направлений в нашей советской культурологии.

Как я уже сказал, есть Э.Маркарян, последователь У.Ф.Уайта. С его совершенно обособленной, маркарянской концепцией культуры. Недавно выпустили «основополагающую» книгу о культуре Давидович и Жданов. И это совершенно особая, вроде бы, как я понял, из чтения рецензии и оглавления самой книги, концепция культуры. Есть у нас великий культуролог Вадим Межуев. Который пишет, по-моему, в основном какие-то несуразности.

Ма: Поскольку он занимается идеологией.

Г.П.: Это разрыв всякого советского философа-интеллигента. Он всегда официально занимается не тем, чем он, как он считает, занимается на самом деле. А пишет он не о том, чем он занимается.

Ма: Расхождение между ролью, позицией и местом цветет пышными цветом.

По: Вадим Межуев сам по себе или он представитель направления?

Г.П.: Дело в том, что советские культурологи, поставленные в социокультурную ситуацию неорганизованной науки и давления идеологии, в принципе не могут ни направлений, ни школ создавать. Они все всегда являются эклектиками, которые тащат отовсюду всего понемножку, и создают они всегда не научные направления как таковые, а только определенные тексты личного понимания. Поэтому каждый их текст, с одной стороны, выражение собственного мировоззрения, видения мира, а с другой стороны, приспособления к официальной идеологии и боязни с нею разойтись в чем-то существенном. И вот под влиянием этих основных факторов они создают очень странные книги, которые никогда, с моей точки зрения, не попадут ни в какую культуру. В этом смысле это явления акультурные.

Теперь. Имеется в городе Свердловске Коган с его культурологией. Он потрясающе здорово рассказывает анекдоты из жизни советской интеллигенции, и если все это записать, то это было бы вкладом в культуру.

Теперь. Имеются грузинские авторы, которые представляют, во главе с симпатичным человеком, директором грузинского Института философии, князем Нико Чавчавадзе, которые пишут, говоря одесским языком, «за грузинскую культуру» и обеспечивают, в этом смысле, как немцы в XIX-м веке, сохранение языка, национальной культуры и т.д., т.е. занимаются культуроведением. И в основном читают немецких авторов и пересказывают то, что те писали 150 лет назад.

Имеется пермская лаборатория социологического изучения культуры. Файнбург стоит во главе этой лаборатории. Туда мы и должны написать тезисы.

Есть особое направление культуроведческой работы, принадлежащее институту культуры, во главе которого стоит Наль Злобин. Поэтому есть, значит, культуроведение по Злобину.

Был, может быть, сейчас снова восстановится, культурно-исторический подход Л.С.Выготского.

Есть ленинградско-тартусское направление структурно-семиотического подхода к культуре. Точнее, его надо было бы называть структурно-лингвистическим подходом. Поскольку у них семиотика тоже лингвистическая. Это Иванов, Топоров, Лотман, Чернов, когда-то сюда принадлежали Шагал, Пятигорский и другие.

Ну, и, наконец, здесь бы я назвал системодетальностный подход к проблемам культуры, который можно рассматривать в двух фазах своего развития: как представленный в работах 61-67 гг. и работами 78-80 гг. Я применяю метод фокусных членений, чтобы подчеркнуть различие одного и другого периода. Я уже говорил, что тартусская культурология возникла как прямой ответ на работы нашего направления.

И есть еще, я бы выделил внутри этого... Направление О.Генисаретского, представленное его диссертацией по культуре и статьей в сборнике 70-го года, эта же позиция, системодетальностная, представлена в работах болгарской группы Москона-... , в работах московской группы музыковедов. А последняя сама распадается на два поднаправления. Одно представляет ранний Папуш и Фомин, а второе представлено работами позднего Розина и позднего Фомина.

Если бы вы теперь меня спросили о принципах типологизации и классификации всех этих направлений, то я бы не стал влезать в тонкости их представлений, поскольку это работа неблагодарная и мало чего реально дает, а выделил бы два основания для такой типологии. Я бы прежде всего разделил все направления на связанные с той или иной техникой — социотехникой, человекотехникой, культуротехникой и т.д., и не связанные — умозрительные, реализующие чисто познавательный интерес. И во втором членении я бы всех поделил на тех, кто заимствует наши термины, понятия и представления, и на тех, которые не заимствуют наши понятия, термины и представления. Надо сказать, что последних почти не окажется. Все в той или иной мере заимствуют, в том числе и ленинградская школа — Соколов, Клейн и другие. Но только, что очень характерно, для них всех заимствованные у нас представления и понятия, даже для тартусской школы Лотмана, которые постоянно говорят о трансляции культуры и т.д., являются совершенно чужеродным явлением. С другой стороны, они без них вообще не могут, потому что ни одно из этих направлений не может ввести культуру как некий идеальный объект. Поэтому, это все они берут у нас. А затем они на все это клеят свою белиберду. Поэтому у них, фактически, есть жесткое ядро, дающее идеальный объект, а потом огромное количество, с моей точки зрения, совершеннейших несуразностей, которые они к этому так или иначе приклеивают.

Ма: Можно сказать, что они вводят в культурологию эмпирический материал, и пока еще не удается ассимилировать в силу неразработанности средств теоретических.

Г.П.: Это был бы слишком культурный рассказ о том, что они делают, слишком рафинированный, который мне не очень нравится. Ибо на самом-то деле они столь серьезного подхода, выраженного в ваших словах, не заслуживают.

Ма: Я понимаю, что не заслуживают, поскольку они не знают, что они делают.

Г.П.: Они пытаются и клеить этот эмпирический материал туда, причем, не поймешь какой, поскольку никакого эмпирического материала, как я уже говорил, культурология пока не накопила в силу сложности самого этого материала. Поэтому и возникают всякие удивительные, вообще, призраки. Вот так бы я все это охарактеризовал.

Ма: А на Западе у культурологов есть эмпирический материал?

Г.П.: Я думаю, что тоже нет. В этом смысле, скажем, работы структурального направления Леви-Стросса, работы в американской дескриптивной культурологии вроде бы показывают то же самое. Нет у них эмпирического материала. Именно по культурологии. Но в этом смысле я и вижу основную проблему. Эмпирический материал может возникнуть лишь после того, как сама теория достаточно разработана.

И в этом смысле я, конечно, согласен с Вашим положением, если его относить не к тем или иным школам и направлениям, а вообще ко всей ситуации в культурологии. Культурология не достигла еще такой стадии, в которой можно было бы сейчас обращаться к эмпирическому материалу.

Ма: Здесь, на мой взгляд, существует несколько парадоксальное положение, на которое, на мой взгляд, надо обратить внимание. Дело в том, что эта ситуация с культурологией очень характерна для многих новых или старых дисциплин, которые сейчас должны заниматься комплексными исследованиями.

Эмпирический материал для культурологии находится в этнографии, в аксиологии, есть еще десяток дисциплин, которые занимаются какими-то исследованиями. По сути дела, культурология должна где-то сверху или сбоку снимать, перепредмечивать или обобщать, говоря на древнем языке, и таким образом она и получит свою эмпирию. Не только обращаясь к практически-чувственным вещам, но и обращаясь к предметным расслоениям. Возможно, эти предметные расслоения должны рассматриваться как входящие в культуроведение. Преобразование культуроведения должно, с одной стороны, <создать> магистральное направление разработкам культурологии, а с другой стороны, привести к социальной инженерии.

Потому идеология у всех этих этнографов и аксиологов состоит в том, что они занимаются культурой.

Г.П.: И даже археологи, и те говорят сейчас, что они занимаются культурой.

Як: Даже некоторые философы говорят, что они занимаются культурой. Скоро все будут говорить, что они занимаются культурой.

Ма: В нашей стране это так и есть. Это у нас задача культурной революции, которая до сих пор не решена.

Як: Значит, какие же принципы членения? Если все заимствуют, то это не основание.

Г.П.: У одних есть идеальные объекты, а у других нет. Но у них у всех есть какой-то идеальный объект, поскольку они что-то заимствуют.

Як: А в чем же тогда неприемлемость?

Г.П.: Это просто не имеет никакого отношения к изучению культуры. Поскольку культура как таковая с ее единицами не выделена. Они берут то, что им попадается, а вопрос, имеет это отношение к культуре или нет, не может быть разрешен.

Як: И второе основание — по связи с той или иной техникой. Что связано, а что нет?

Г.П.: Я бы их всех расставлял по осям. Как получили идеальный объект и насколько они связаны с той или иной техникой. Как они в своих построениях обслуживают эту технику.

Як: А такие техники могут быть выделены?

Г.П.: Каждый раз, они же существуют.

Як: Скажем, идеологическая техника, да?

Г.П.: Да.

Г.П.: Теперь, в соответствии с объявленной программой, я перейду, опираясь на наши деятельностные представления о структурах и механизмах воспроизводства и трансляции культуры, к обсуждению уже онтологического смысла понятия культуры. Я, следовательно, оставляю область идей, представлений, знаний как бы, перехожу в область онтологической работы и моей главной процедурой становится схематизация всех этих представлений и полагание всего того содержания, которое таким образом выделяется, с теми схемами, которые это содержание фиксируют, в некоторое пространство жизни культуры.

Основным для меня становится понятие воспроизводства деятельности, и саму культуру я хочу рассматривать как особое функциональное подразделение и особую организованность в этом процессе воспроизводства. Можно, наверное, даже сказать, что все это есть проецирование в план истории тех схем воспроизводства деятельности, через которые мы для себя впервые ввели культуру как идеальный объект, и, таким образом, определение материала для культурологии. Но это пока еще не предметная работа, а чисто онтологическая.

Здесь очень важно, что культура с самого начала выступает как определенный функциональный элемент в схемах воспроизводства. Вы все знаете эти схемы. Но для того, чтобы рассмотреть все это хоть и онтологически, но уже на уровне понятий, обслуживающих онтологию, я должен задавать, как бы в обратном движении, то предельное состояние, в котором культуры как таковой нет. И вот этим я сейчас и займусь.

Итак, еще раз. Поскольку я работаю в генетической манере и должен с самого начала вписать представления о культуре в некоторый исторический контекст или в контекст некоторой псевдоистории, то я, полагая те схемы воспроизводства деятельности, которые задают культуру как уже нечто сложившееся или ставшее, как определенный оформившийся функциональный элемент универсума деятельности, я должен сделать еще один шаг назад и задать то предельное состояние, из которого я эти структуры буду выводить. То предельное состояние, в котором культуры как таковой еще нет.

Х (Громыко-?): А зачем делать этот шаг?

Г.П.: Чтобы обеспечить пересечение многих категорий на онтологической схеме или модели и тем самым — большее правдоподобие вводимых схем. Если я рассматриваю онтологические схемы и конструкции только сквозь призму одной категории, то они несут очень малое содержание. Для того, чтобы обеспечить культурное и историческое правдоподобие тех или иных схем, их нужно задавать на пересечении многих категорий. И если они все им будут удовлетворять, тогда схема нарисована правильная и онтологическое представление схвачено верно. Давайте вспомним, *что такое вообще онтологическая схема. Это снятие в одном всего богатства предметного содержания.* А что значит «богатство предметного содержания»? Как я это могу проверить, если предмета еще нет? Я это проверяю за счет введения многих категорий и одновременного, как бы, использования их при проработке схем.

Поэтому, ну, скажем, я нарисовал схему с культурой. Я положил тем самым существование культуры. Теперь я спрашиваю: а могу ли я еще вывести эту схему из предшествующих генетических состояний, есть ли они у меня, связаны ли они некоторым единым процессом друг с другом? Схемы, в которых культуры еще нет, и схемы, в которых культура уже есть. Если мне удастся это сделать, то я сразу привлекаю гигантскую область содержания. Через эту категорию развития, происхождения и т.д.

Ма: Можно мне на Юрино замечание сказать так, что для того, чтобы схватить культуру как целое, надо ввести объемлющую рамку. Собственно, начало — это и есть граница, которая задает нам культуру.

Г.П.: Не совсем. Надо ввести не одну рамку, а много объемлющих рамок. И я задаю сразу несколько рамок. Я задаю рамку предшествующего состояния, но одновременно — рамку

исторического процесса как такового, исторического в смысле онтогенеза, или — псевдоисторического. Потому что... Но тут я отсылаю к «Капиталу» Маркса, к разнице между 4-й и 24-й главами. В четвертой главе дается онтогенез товара, а в 24-й дается историческое происхождение товара. Так вот здесь дается не историческое, а псевдоисторическое представление, то, что может быть названо онтогенезом культуры, условно.

Ма: Эта схема должна дать нам ход к эмпирическому материалу.

Г.П.: Нет. Я как раз задаю конструктивные процедуры. Я понимаю Ваши сомнения. Но тут я еще раз повторяю, что есть *проблема эмпирической проверки*, а есть *проблема логической проверки*, есть *проблема онтологической проверки*. Онтологическая является в этом смысле содержательной, в отличие от логической и формальной. Но здесь многое склеено: и логическое, и онтологическое. Беря набор категорий и показывая их применимость к данной онтологической или предметной схеме, мы тем самым проверяем одновременно и логическую правильность данного схематизма — он удовлетворяет всем операторикам, заложенным в соответствующих категориях, и содержанию, которое снято в категориях. Как спрашивал В.Я.Дубровский: чему и когда мы должны отдать предпочтение — нашему частному опыту или опыту всей предшествующей человеческой истории? И отвечал: конечно, опыту истории. Но в чем он закреплён? В категориях, в первую очередь. Поэтому, проверяя применимость категориальных представлений к этим схемам, я, фактически, проверяю соответствие этой схемы всему опыту человечества. И чем больше вы задали пересечений разных категорий, которые реализованы у вас здесь, на этой схеме, тем богаче уже имплицитно заложенное в нее содержание. Т.е. эта схема и развиваться будет по имманентным, однородным как бы правилам или законам, и функционировать, и много чего. Мне же надо такую схему нарисовать, которая бы соответствовала всем процессам, фиксируемым в человеческом обществе.

Ма: Г.П., эта диахроническая интерпретация...

Г.П.: Пока нет диахронической. Я еще не знаю, какая она. Я не уверен, что слово «диа» будет здесь правильным. Но предположим. Так?

Ма: Она предполагает переинтерпретацию этой схемы в синхронию?

Г.П.: Обратите внимание, у меня эта схема нарисована в синхронии.

Ма: В логической синхронии.

Г.П.: Ну да. Тут очень сложно...

Ма: Потому что Вы говорили про исторический контекст, который надо привлечь сюда.

Г.П.: Правильно, но я ведь начал свою работу в 50-е годы в области лингвистики с того, что я показал, что понятия синхронии и диахронии некорректны в применении к языку и речи. Что с этими понятиями, рассматривая такое сложное образование, как речь-язык, работать нельзя. Т.е., точнее, там триада ведь: *langue-langage-parole*. Вот в применении к подобному образованию сама категориальная оппозиция синхронии-диахронии не работает. И поскольку я это показал, постольку, действительно, это все сложно. Потому что синхрония у меня системна и процессуальна, и диахрония очень сложна — системна и процессуальна.

(Разрыв)

Ма: ... У них, в их культурологических изысканиях, и это нашло отражение в работах М.К.Петрова, трансляция понимается в этом историческом контексте.

Г.П.: Как объект или как предмет?

Ма: Я в этом смысле спрашиваю. Данная схема может быть интерпретирована и на... культуротехнический перенос...

Г.П.: Конечно. Поэтому я и ... <отказываюсь> работать в тех терминах, которые Вы предлагаете. Здесь пока нет ни оппозиции «синхрония-диахрония», ни оппозиции «функционирование-развитие», ни оппозиции «онтогенез-филогенез»...

Як: У меня такой вопрос. Эта схема появилась где-то в работе ММК ?

Г.П.: Да, между 59-м и 61-м годом.

Як: Что вызывает сейчас такую постановку вопроса у Вас, когда Вы начинаете выводить эту схему логически? Что — не было этого сделано?

Г.П.: Безусловно, эти схемы не прорабатывались так, как они этого требуют.

Як: А как же она тогда появилась?

Г.П.: Я много раз рассказывал, как она появилась, и мне важно здесь подчеркнуть, что ведь появление схемы не совпадает с ее логической, онтологической проработкой. Это совершенно разные процессы: появление...

Як: А появление — это что за процесс такой?

Г.П.: Появление — это есть, наверное, переосмысление и перенос, перенос и переосмысление, чего-то из одной схемы в другую, как формы, выражающей некое новое содержание.

Як: И это нормальное введение схемы?

Г.П.: Что значит «нормальное»? Каждый исхитряется так, как он может. Или — с каждым ситуация и история его общения играют свои шутки. И тут ничего нельзя сделать. Человек, который изобретает ненормальным путем нечто, все равно изобретает. И вообще в этом процессе нет нормальных путей. Мы можем это рационализировать, задать нормы, сделать стандартным — такого рода работу. Но когда человек изобретает первый раз, то он изобретает все это под влиянием довольно случайных констелляций, ситуационных. И, в частности, это очень красиво проявилось на этой схеме.

Эта схема, как таковая, по форме своей, по конфигурации, была получена мной в 59-м году в связи с обсуждением совершенно других проблем. А именно, проблем развития операций и их связей с процессами мышления. И эта схема первоначально имела такой вот вид. Кстати, частично это отражено в статье, вышедшей в 1975 году в сборнике «Системные исследования», это как раз кусок той работы 1959 года, в которой это все появлялось. Обсуждался вопрос о соотношении между процессами мышления, речи или речи-мысли и операциями. Было показано, что процессы мышления-речи не развиваются, не функционируют, а только осуществляются. Когда началось обсуждение вопроса, как они осуществляются, то было высказано такое предположение, что все эти процессы представляют собой композиции из каких-то стандартных операций. Это — основной принцип программы 54-57-го годов. Что есть операции как составляющие, элементарные, процессов мысли, а дальше мы все процессы можем рассматривать как осуществление этих операций; и мы делили их в 54-м году, соответственно числу операций, на двойки-процессы, тройки-процессы, четверки-процессы, на процессы-операции, когда одна и т.д.

Теперь, поскольку сами процессы речи-мысли не могут ни развиваться, ни функционировать, а мышление в целом, как и речь-язык, развивается, — это парадокс, который мы зафиксировали, не зная о том, что этот же парадокс был зафиксирован для речи-языка Фердинандом Соссюром, это я уже потом, читая его работу, переведенную у нас в 32-м году, узнал, — мы должны были как-то объяснять, как же идет развитие. И вот тогда была построена, как ответ на этот вопрос, такая схема, что, фактически, развиваются-то наборы операций, а здесь они только осуществляются. Но развиваются эти операции за счет такого движения. Наборы операций при решении каких-то задач или достижении каких-то целей компонируются в процессы, которые просто осуществляются, здесь возникают в ходе этого (т.е. решения задач и достижения целей) какие-то нововведения, потом в рефлексии этот процесс анализируется относительно данного запаса операций и выделяются некоторые новообразования, которые фиксируются уже как новые операции, новые средства. Уже в рефлексии. И снова это откладывается в запасник операций. Потом, когда нужно решать новую задачу, то опять строится новый процесс — он ситуационный, целенаправленный, опять он компонируется из прежних операций, т.е. они в нем осуществляются, и потом снова, в рефлексивном анализе,

этот процесс анализируется относительно запаса операций и переводится в новый набор. Это работы 54-59-го годов. Сюда попадают работы про Аристарха, работы Ладенко по отношениям замещения. Но опубликовано — только часть.

И вот, в результате этого, родилась такая схема, в 1959 году, объясняющая весь процесс развития мышления. Здесь очень важно, что этот процесс складывается из многих компонент, во-первых, а во-вторых, — в нем очень четко проявляется различие процесса развития и механизм развития. Потому что — циклы или шаги осуществления в процессе — и может, вообще, все на этом кончиться.

Другое — рефлексия относительно запаса или набора операций, алфавита этого, и за счет этого происходит увеличение самого этого запаса операций. Здесь и осуществляется развитие как процесс.

Так появилась эта схема, в 1959 году. Но если вы начнете ее сопоставлять со схемой воспроизводства, то вы увидите, что все основные компоненты здесь уже заложены. Фактически, есть процесс осуществления, который эквивалентен процессу реализации. Процесс осуществления операций, средств при построении процесса соответствует процессу реализации в правой схеме (воспроизводства).

Затем, есть это движение от верха, от первого состояния к следующему, следующему — наборы операций*.

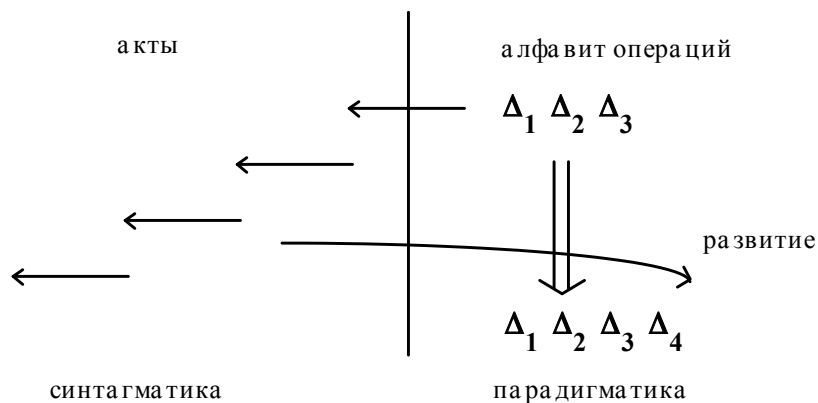

Рис. 1а

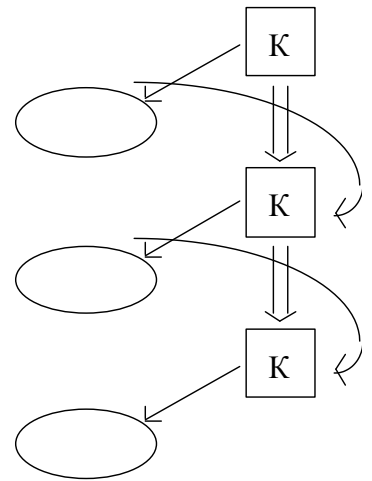

Рис. 1б

Як : Оно другое.

Г.П. : То же самое.

Як : В схеме воспроизводства оно опосредованно, а в схеме развития — непосредственно.

Г.П. : И здесь оно точно так же осуществляется. Вы сейчас поймите. Первая схема воспроизводства с трансляцией культуры имела не такой вид, как рисуется здесь, а такой же вид. Она практически точно совпадала. Это потом графика немножко... Т.е. первоначально это была та же самая схема. Но в схеме слева все шло в контексте объяснения развития. Развития исходного набора — операций. И в этом была целевая установка и смысл дела. Как особый вырожденный случай, фиксировалось, что иногда этот набор операций может не развиваться, не накапливаться, не расти в своем числе, а оставаться тем же самым.

Но только этот предельный случай, когда не растет число операций, никакого наименования не получил. Это был просто предельный случай для развития, когда развития не было. А в 1961 году, в июле-августе, эта схема была использована для получения совершенно

* Рисунки, на которые идут ссылки, в рукописи отсутствуют. По-видимому, речь идет о каких-то вариациях схемы воспроизводства деятельности и трансляции культуры, а также о схеме развитие набора операций. Для удобства я поместил указанные схемы, взятые из Сообщений 1 и 3, в этот текст (В.П.).

другого, этого предельного содержания. А именно — что неважно, есть развитие или нет развития. Этот вырожденный, предельный случай развития, когда его нет, был теперь осмыслен как схема особого рода, схема со своим специфическим смыслом.

Як: Это действительно специфический, т.е. случай.

Г.П.: Нет. Он теперь, в 1961 году, был осмыслен не как частный, а как ядерный. Там это был предельный случай, когда развития нет, вырожденный случай. А теперь этот предельный случай был осмыслен как ядерный, и получил свое название. Спрашивается, что происходит, если развития нет? Происходит воспроизводство.

Як: Вы так говорите, как будто предполагается, что нам известно, почему все это было осмыслено... и вообще, это ли было осмыслено или другое...

Г.П.: Я вам рассказываю, как это фактически было.

Як: А что это значит: «частный случай осмыслен как ядерный процесс»? Это непонятно.

Г.П.: Если Вы читали две статьи, в которых это выражено — «О методе семиотического исследования знаковых систем» и «Естественное и искусственное...». А появляются они в обратном порядке. Статья о методе была дальнейшим обобщением того, что было сделано.

А первоначально было зафиксировано одно обстоятельство. Что есть службы языка, которые заняты тем, чтобы сохранить его в консервированном состоянии. Не давать ему развиваться. Причем, поводом послужила статья К.Чуковского, где он ругал Элькони́на и других за безграмотность. А я читал и считал, что Даниил Борисович так и должен был во многих случаях писать, поскольку содержание, которое он передавал, требовало трансформации русского языка, которую он <производил>. А Чуковский выступил с хлесткой статьей. Встал вопрос, на каком основании он это делает? Что, собственно, он осуществляет? Было введено понятие о службе сохранения русского языка. А раз есть служба сохранения — и я ее оценил очень эмоционально, экспрессивно, а именно: мешает человек развитию русского языка, сознательно, целенаправленно не дает ему развиваться. А это еще накладывалось на мои личные случаи, когда у меня в «Учительской газете» статью зарубили за то, что я слово «деятельность» употребил во множественном числе. Встал редактор насмерть и говорит: нет в русском языке множественного от «деятельности». Я ему объясняю, что не было раньше. А у меня есть, поскольку у меня деятельность в моделях. У меня есть одна деятельность, вторая деятельность, третья, я их одну под другой рисую. А Вы мне рассказываете, что в русском языке множественного числа нет. Ну, я ее послал по матушке, и на этом все кончилось.

Но впечатление осталось от всего этого. А тут еще Корней Чуковский такую плюху выдает. Поэтому было введено понятие о консервации. Есть служба консервации. Ну хорошо, а что же тогда происходит? Что это за процесс, в котором развития нет? Процесс-то ведь идет, этот, предельный. Раньше все было понятно, поскольку там развитие происходило, это был механизм развития, через осуществление операций в процессах, появление инноваций, возврат через рефлекссию опять в этот арсенал или амбар. Ладно. А если все это крутится, а развития нет? Спрашивается, что здесь происходит, что это за процесс?

Як: Что значит «что это за процесс»? Как это называется?

Г.П.: Что за процесс это? Процесс, в котором развитие вырублено, а процесс тем не менее идет. Это что — усеченное, уродливое развитие? Что считать за норму? Когда развитие есть или когда развития нет?

Як: Это уже вопросы, отличающиеся от исходного, т.е. от вопроса «что это за процесс, в котором нет развития»?

Г.П.: Как можно назвать, или определить, или выразить сущность процесса, который нарисован на этой схеме...

Як: А схемы-то еще не было...

Г.П.: Была... Который нарисован на этой схеме...

Як: На схеме развития или на схеме воспроизводства?

Г.П.: На схеме развития. На этой схеме, когда развития у него нет.

Як: А это известно, что это. Это вырожденный случай процесса развития.

Г.П.: Ну правильно. Если бы во мне был такой тюремщик, то не было бы схемы воспроизводства. А так как я пластичен, свободен, и мне нужны вариации, то меня не устраивало это отнесение. Ну, вырожденный случай, ну да. А я же все время проделываю такие перебросы. А какой же из них вырожденный? У меня же на этот счет релятивистическая точка зрения. Я же знаю, что подлинно вырожденных нет. Я знаю, что это я рассматривал таким образом. Если я одно положил как ядерное, то у меня другое получается предельным. Но на самом деле ничего подобного нет.

Як: Что значит «на самом деле»? Это звучит странно.

Г.П.: Сама эта характеристика в применении к схеме и моей работе с ней оправдана? Да! А в применении к онтологии, которая стоит за схемой, не оправдана.

Як: К онтологии, которая стоит за схемой?

Г.П.: К объекту. В применении к объекту не оправдано. Поскольку мне-то нужно все определить как нечто нормальное.

Як: Не оправдано, так чего надо было возиться с этой схемой развития? Сразу бы и рисовали две схемы.

Г.П.: Мне каждая схема <дается> с трудом, в результате нескольких лет работы.

Як: Как Вы увидели, что одной схемы недостаточно и надо еще одну вводить?

Г.П.: Я Вам и рассказываю, как. Здесь длинный дискурс был. Вы же меня спросили, как это происходит. Я Вам говорю: в одной ситуации создается схема с одним смыслом. Потом я попадаю в другую ситуацию, мне надо объяснять нечто другое. Я Вам рассказываю эту ситуацию.

Як: Новую ситуацию надо по-новой объяснять.

Г.П.: Нет, у меня действует принцип Оккама. То, что можно объяснить с помощью старого, надо объяснять с помощью старого.

Як: Еще лучше. Тогда объясняйте с помощью старого.

Г.П.: Я и объясняю.

Як: За счет введения нового схематизма.

Г.П.: Нет. Первоначально нет. Но при этом все время задавался вопрос, что же это такое, когда развития нет, а процесс все время идет. Этот нарисованный процесс.

Ве: Вроде бы по отношению к вырожденному случаю и процесса не должно быть, он умереть должен.

Г.П.: Да. А он идет. Непрерывно. Больше того, куча умных людей только тем и занимается, что его обеспечивают. А в чем же сущность этого процесса?

— А! — сказали мы. — Есть же еще такая штука как процесс воспроизводства!

Як: Это Маркс еще сказал.

Г.П.: Обратите внимание: Маркс у себя там это сказал, в «Капитале». Нам же надо было найти этот новый процесс, и когда началось это движение, группа «К» (см. рис. 1а и 1б) была законсервирована и все время начала двигаться, то тогда механизм перестал быть механизмом, а стал сущностным процессом. Появилось производство, воспроизводство. А развитие исчезло, в принципе. Таким образом, из этой схемы развитие было вырвано и остался другой процесс.

Ма: А когда же Вы перешли к производству?

Г.П.: Это было потом. Кстати, там это все показано. И даны определения. Дальше уже началась игра. Потому что как только получена новая ядерная схема, так все понятия начинают просеиваться сквозь эту новую схему, приобретают новый смысл.

Як: Но Вы все-таки изменили эту правую схематику, между делом?

Г.П.: Я Вам с удовольствием предоставлю эти материалы. Я Вам дам первый вариант, второй вариант, пятый вариант, восьмой вариант — сорок вариантов проработки всего этого с промежуточными листочками. Вы можете смотреть, от одного варианта к другому, как это помаленечку менялось: конфигурация рисуночков, сочленились куски, накладывались, одно на другое и т.д. Вы посмотрите шаг за шагом, по числам. Сколько времени проходило... Времени тогда было много, поскольку я лежал в постели с радикулитом и мог работать. Очень интересно.

Як: Историческое исследование — это интересно. Но сейчас меня не оно интересует. Мой вопрос состоял в том, что за этой схемой стоит какая-то логика рассуждений, а не просто...

Г.П.: Нет. За этим стоит эволюция. Эволюция взглядов и представлений. И это нужно рассматривать в рамке, в контексте эволюции. А не рассуждения. Рассуждения там каждый раз проводились. Вот где лежат рассуждения, смотрите.

Что я показал в 59-м году? Я показал, что рассуждение является лишь моментом движения мысли. Движение мысли представляет собой значительно более сложное целое. А именно: у меня есть средства определенные, в том числе операции как средства, и из них складываются рассуждения или процесс. Он осуществляется. Никакой процесс мысли, утверждал я, развиваться не может. Это тезис 1955 года. Он идет сразу за «Атрибутивными структурами». Рассуждение не развивается — это бессмысленное словосочетание. Теперь — как же мышление развивается? Оказывается, не в единицах рассуждений, а в более мелких единицах, скажем, в операциях, в средствах, понятиях и т.д. Поэтому эти две работы, которые я называл, — 52-го и 53-го года, — они теснейшим образом связаны. Там две сложных проблемы.

А вот дальше начинается рефлексия. Которая, как бы, начинается снова. Снова, в другой ситуации, в другом контексте. Для этого другой человек требуется, с другой целевой установкой.

Различение этих процессов — осуществления рассуждения и рефлексии по поводу процесса рассуждения — дало теоретическое основание для ролевой позиционной игры, для коллективного мышления.

Правда, практика уже была в это время, уже 3-4 года она разворачивалась. Но это был первый теоретический результат, обосновывавший необходимость этого. Рефлексия дает другой ход. Она, кстати, могла вот сюда осуществиться, как я здесь показал, а могла совсем в другое место. Поэтому никакой однонаправленности нет и быть не может. Все зависит от того, в какую ситуацию попало это все. Отсюда идея популятивности еще раз реализуется. А именно: все время идут флуктуации, движения, все время переносятся из одного места в другое. Популятивность мышления.

Як: Но я-то Вас спрашиваю о рассуждении.

Г.П.: Ну да. Некорректно Вы спрашиваете. Потому что рассуждение идет там, потом идет рефлексия, потом идут другие рассуждения, потом рефлексия по поводу них.

Як: А я целевым образом спрашиваю: рассуждение, направленное к той схеме, которая нарисована справа.

Г.П.: Не было и быть не могло.

Як: А о чем же Вы тогда рассказывали? Когда вводили эту схему развития?

Г.П.: Я рассказывал, как мысль наша, носителями которой мы были, эволюционировала.

Як: Очень хорошо. Но чем отличается эта Ваша «история» от того, что Вы поставили в качестве задачи этой второй части?

Г.П.: *Эволюция мышления не целенаправлена и не задачна.* Целенаправленные кусочки — это кусочки внутри этой эволюции.

Як: Я про Ваше рассуждение, а не про эволюцию.

Г.П.: А не было у меня рассуждений, я эволюционировал.

Як: Прямо сейчас?

Г.П.: Я все время эволюционирую, это форма моего существования.

По: Но Толя спрашивает не о том. Ведь Вы собирались генетически вывести...

Г.П.: А это вообще к этому не имеет отношения. Ведь Толя задал вопрос: «проработка этой схемы и как Вы к ней пришли?» Я ответил: проработка — это одно, а как пришли — это совсем другое. Проработка на самом деле до сих пор не сделана. Потому что: что такое проработка? Это — логический, онтологический, категориальный, ситуационный анализ, в зависимости от тех многочисленных ситуаций, где я работаю с этой схемой, ее применяю. Проработка — это применение этой схемы в разных ситуациях.

Як: И генетическая проработка.

Г.П.: И генетическая. Вот ситуация у меня возникла, этого доклада, и я проведу проработку определенную, генетическую, этой схемы.

Як: Но это Ваша ситуация, а не функционирование этой схемы.

Г.П.: Это и есть функционирование схемы.

Як: Но Вы-то — не схема.

Г.П.: Но схема-то у меня функционирует. Я ею работаю, ею пользуюсь.

Як: У Вас, но она — не Вы.

Г.П.: Подождите. А эволюция — совсем другое. Теперь я Вам рассказал про эволюцию, как это было. Теперь я могу рассказывать про один из вариантов проработки — генетический. Важно понять, что это разные все вещи, что это два разные вопроса, и один к другому не имеет отношения. И то, что я сейчас буду делать, не имеет никакого отношения к тому, как у меня возникла эта схема. Я ведь должен теперь, работая на этих схемах, изобразить онтогенез культуры. Не онтогенез схемы, изображающей воспроизводство культуры.

Як: Так это совсем другая задача, она отличается от той, которую Вы ставили с самого начала.

Г.П.: Нет, я именно эту и ставил. Я должен, введя эту схему, в которой уже есть культура как функциональный элемент, теперь вписать это в целый ряд рамок и соответствующих этим рамкам процессов.

Як: Схему вписать?

Г.П.: Ну да, я-то должен схему вписать, но эта моя работа по вписыванию схемы есть не что иное, как знаково-мыслительная имитация того, что я называю происхождением культуры.

Як: Работаете Вы со схемой. Следовательно, будете вводить другие схемы, из которых эта получилась.

Г.П.: Это неправильно. Не схема получилась. Объект, зафиксированный в этой схеме, получался из другого объекта. У меня ведь онтологическое рассуждение. Онтологическое рассуждение отличается тем, что там схема и объект склеены. Схема используется в автономной функции. Поэтому, что я про схему говорю, что про объект — все едино. И в этом особенность гегелевско-марксова метода восхождения от абстрактного к конкретному. Есть другие варианты восхождения, где нет отождествления одного с другим. Кстати, когда мы

перейдем к работам Грушина и моей полемике с ним, то эти вещи засветятся. Когда мы работаем на схемах, склеенных с объектом, и в этом смысле — формально, а тогда мы работаем на разведенных схемах и объектах, и в этом смысле — содержательно. И, собственно, содержательно-генетическая логика возникает из этой полемики с Грушиным. И полемики, вместе с тем, с Гегелем-Марксом, которые суть формалисты.

Як: Почему?

Г.П.: Потому что — принцип *тождества бытия и мышления*. Поскольку у Маркса в 4-й главе товар отождествляется со знаком товара.

Як: А у Вас?

Г.П.: А я свободно пользуюсь. Могу быть формалистом, могу быть содержательным.

Як: Значит, содержательно-генетическая логика возникает в полемике с самим собой.

Г.П.: И в полемике с самим собой. Поскольку моя форма существования есть все время полемика с самим собой.

Як: А Вы сами, значит, когда как.

Г.П.: А я, да, свободная личность. И это очень важно. Мы ведь вчера это обсуждали, мы к этому пришли. И, кстати, весь разрыв между четвергом, всей командой играющей, и мной в этом и состоит. В том, что я свободно могу принимать любую форму, и она становится моей, и могу свободно освобождаться от нее. А все остальные либо ничего не имеют, либо намертво склеены.

Як: Все это напоминает фильм «Али-Баба и сорок разбойников». Главный разбойник там, в ходе битвы с Али-Бабой, распадается на множество фантомов, поразить которых невозможно, поскольку они фантомы.

Г.П.: Все правильно. Разбойник с ножом.

Як: Сейчас, значит, Вы принимаете, что у Вас схема склеена с объектом.

Г.П.: Да.

Як: И Вы, когда говорите о происхождении культуры, Вы говорите, фактически, о происхождении схемы.

Г.П.: Нет. Потому что я говорю о происхождении культуры. А о происхождении схемы ничего не говорю, и этим не занимаюсь. У меня схема живет не как схема, не по законам схемы, а по законам идеального объекта. У меня схема и идеальный объект склеены. А поэтому схема живет не по семиотическим законам, а по логике объекта.

Як: У Вас схема, живущая по логике объекта, превращается в другую схему, живущую по логике объекта.

Г.П.: Нет. Методы моей работы совсем другие. Это склеивание объекта со схемой не отвергает различия искусственного и естественного планов.

Як: Но Вы вроде бы показали это в ответах на вопросы Павлика.

Г.П.: Павлику-то я показал. А Вы спрашиваете про другое. И по-видимому, этого не принимаете в расчет.

Як: Чего «этого»? Ваших ответов?

Г.П.: Нет. Методов моей работы. Вроде бы я буду работать. И нужно эти две модальности очень четко различать. Вы меня спрашиваете: что я буду делать? Я буду делать то, что я буду делать. А там — в доске, несмотря на мое делание, будет происходить другое.

Як: Делать Вы будете очень просто. Вы будете брать кусочек мела, и все Ваши операции рукой фиксировать в линиях. А на доске там будет «рисоваться» что-то.

Г.П.: Вы ошибаетесь. Я мыслить буду. А в доске будет происходить жизнь идеального объекта. Кстати, это очень сложные вещи. Это азы мышления. Собственно, мышление как таковое появляется только после того, как это понято. Поскольку есть такая вещь, зафиксированная Аристотелем, как *Логос*. И этот *Логос* существует сам по себе. А мои операции не в логосе живут, они лишь подчиняются этому логосу, в логосе нечто происходит, по его законам.

Як: Я про него и спрашиваю все время. А Вы мне подсовываете радикулит.

Г.П.: А если Вы спрашиваете про логос, то ответ будет в логике жизни объекта. *Логос* — это же не правила моих действий, а *законы жизни идеального объекта*.

Як: Но эти законы вроде бы уже были один раз.

Г.П.: Где? Когда?

Як: Ну, как Вы рассказывали: из схемы развития получилась схема...

Г.П.: А это был не логос. Это был исторический процесс эволюции человеческого мышления, в той мере, в какой оно меня оседлало.

Як: Когда Вы через 10 лет будете это же рассказывать, это будет логосом, а сегодняшнее — эволюцией, да?

Г.П.: Ничего подобного. Все всегда будет оставаться одним и тем же.

Еще есть вопросы?

Итак. У меня есть схема, в которой уже зафиксирована культура, так существует, как функциональный элемент этой структуры и организованность универсума деятельности. Это схема воспроизводства. А мне теперь нужно получить рамку, или предельный случай, в котором воспроизводство обязательно должно быть, а культуры должно не быть. Т.е. я должен нарисовать воспроизводство без культуры.

По: А почему воспроизводство обязательно должно быть?

Г.П.: А у меня два всего параметра здесь. У меня схема воспроизводства деятельности с трансляцией культуры, или через трансляцию культуры. У меня в той другой схеме культуры и трансляции культуры быть не может. А воспроизводство деятельности обязательно должно быть. Потому что, если там не будет воспроизводства деятельности, то та, вторая схема никак не будет связана с первой. Мне же нужно сейчас задать объект в двух измерениях.

По: А если отсутствие культуры означает отсутствие воспроизводства?

Г.П.: Тогда это означает, что я задал такую схему, которая не удовлетворяет категории происхождения и должна быть отброшена как неудовлетворяющая категории происхождения.

У меня это будет один объект — в его исторической эволюции рассматриваться. Один объект. Этот объект есть «воспроизводство деятельности». Следовательно, я должен придумать, оправдать, обосновать существование таких форм воспроизводства деятельности, которые осуществляются без культуры. Если я смогу это сделать, то я смогу говорить о том, что у меня культура возникает.

Як: Скажите, это ведь онтологический смысл понятия воспроизводства?

Г.П.: Да.

Як: А Вы что хотите сделать?

Г.П.: Я хочу его сохранить, а схематизм, его изображающий, размножить.

Як: Размножить — это можно, рядом несколько штук нарисовать и все.

Г.П.: Нет, мне же нужно, чтобы без культуры был.

Як: А тогда будет другая схема, и у этого понятия будет два онтологических смысла.

Г.П.: Обязательно должны быть, но не изолированные, а связанные. И о характере их связи я уже сказал.

Ве: Ведь здесь же объект — не культура, а само воспроизводство. А культура как элемент. И Вы задаете в обратном генезисе как раз изменение объекта.

Г.П.: Воспроизводства. И ввожу две его стадии: до-культурная и с культурой.

Ве: В этом смысле можно тогда говорить о развитии этого объекта.

Г.П.: Правильно.

Ма: Какого «этого»?

Г.П.: Воспроизводства.

Ма: Таким образом, Вы предполагаете, что наличие культуры есть специфический признак развития воспроизводства.

Г.П.: Это Вы уже делаете следующий шаг. Я же теперь должен то развитие, которое было оторвано от исходной схемы, и в результате получилось воспроизводство, теперь я должен это развитие положить в ортогональ к воспроизводству, т.е. совершенно перестроить схему.

Як: И сейчас, имея схему развития, Вы эти схемы объектов м...

Г.П.: Все это не так просто. Все сложнее, к сожалению. И видите, для того, чтобы это осмыслить, понадобилось почти 20 лет. А если бы это все было так просто, то... Причем, опять-таки, ведь нужно четко понять... Человеку трудно ставить цели и задачи. Мы подавляющую часть нашей деятельности осуществляем не-целевым образом. Мы все время дрейфуем, эволюционируем. Наше мышление есть, к сожалению, естественное мышление.

Як: Позитивисты мы.

Г.П.: Да нет, люди просто. И в этом смысле Выготский-то по большому счету был прав. И вся критика его учеников яйца выеденного не стоит, здесь речь идет о том, что они как психологи бездарны. Потому что так оно и происходит, что у нас есть естественное мышление. Мне сейчас не важно, натурализовано оно или нет. Но оно слилось с процессами нашими, с физиологией, подсознательным даже. Мы только с большим трудом снова овладеваем всем этим и делаем это произвольно. И это есть факты нашей повседневной жизни.

П.Щ.: За счет знака.

Г.П.: Нет, к сожалению, не за счет знака, а за счет очень сложного интерсубъективного взаимодействия. Кстати, он не говорил «за счет знака». Он говорил: «за счет спора, дискуссии».

Значит, смысл этой схемы в том, что и у людей воспроизводство — не говорю пока деятельность, а просто «воспроизводство», могу сказать «воспроизводство поведения», могу пока отождествить поведение с деятельностью и только потом развести их, — происходит путем непосредственного копирования. Каждое отправление поведения и деятельности может стать примером или образцом для копирования.

Як: А может и не стать.

Г.П.: А может и не стать. Но в принципе — каждое может стать, и, следовательно, каждое может воспроизвестись в деятельности другого.

Як: Или не воспроизвестись.

Г.П. ... И это отношение не предполагает какой-то специально выделенной культуры и происходит вообще без культуры. Такая форма организации воспроизводства приводит к очень быстрой эволюции самой деятельности. Хотя при этом процесс эволюции является адаптивным и неорганизованным, как бы хаотическим. Примеры такого воспроизводства были зафиксированы — Карлом фон Штайном в Южной Америке, многими исследователями в Австралии, на островах Папуа, в Океании. Что касается речи их... Она непрерывно меняется —

от деревни к деревне. Фактически, это речь без языка. И тоже самое со всеми другими типами деятельности.

Ма: Может быть, здесь о деятельности вообще речь не идет?

Г.П.: Я так и предполагаю. Для меня деятельность возникает только тогда, когда возникает культура. Поэтому для меня та правая схема является исходной для понятия деятельности. Больше того, я всегда деятельность и задавал как то, что определяется отношением воспроизводства через трансляцию культуры.

Левая схема — это момент, когда деятельность как таковая еще не отделилась от человека в виде отдельной системы. Первая и вторая схемы и различаются тем, что в правой впервые появляется деятельность. Происходит отделение деятельности от человека. Деятельность превращается в суперсистему, захватывающую людей, подчиняющую их себе. Человек не есть орган деятельности. Хотя он может быть уже членом коллектива, и социальная организация уже может возникнуть. Но это пока социальная организация, а не культурная организация. Я же сейчас вывожу культурную организацию. Культурная организация возникает только при переходе от левой схемы к правой.

Теперь я говорю: я вообще-то, в принципе, даже здесь, в левой схеме, могу ввести понятие культуры и пользоваться им. Но при этом культура будет определена чисто функционально, через акт копирования. Культурой оказывается все то, что этот учащийся выделяет в *деятельности-примере* или *деятельности-образце* важного и существенного для того, чтобы воспроизвести. Это есть как бы тот набор точек, ориентиров, как говорит П.Я.Гальперин, ... и кстати, его идеал — ориентировка и организация психики, которую он считает идеальной, он как нельзя лучше соответствует вот этой форме без культуры. И в этом смысле, все то, что делает Гальперин, есть прямая оппозиция идеям Выготского. Т.е. оппозиция идеям культурно-исторической концепции по идеологии. Другое дело, что реально-то он конечно делает все по-Выготскому.

Ма: Зато он накопил большой эмпирический материал.

Г.П.: Никакого эмпирического материала у него нет. У него есть псевдоэмпирический материал, поскольку уже ясно, что так сегодня ничего не происходит.

Итак, здесь мы можем говорить о культуре, о культуре, которая уже фактически задается этим процессом воспроизводства, но как копирование — это та совокупность ориентиров или опорных точек, которые выделяются учеником при воспроизведении чужого, данного ему или продемонстрированного, образца деятельности. Совершенно ясно, что здесь совершенно бессмысленно говорить о морфологии подобных культурных образований. Они совершенно изменчивы, меняются от случая к случаю.

Громыко Ю.: А за счет чего же тогда осуществляется воспроизводство?

Г.П.: А это очень странное воспроизводство, с непрерывной эволюцией. Дело в том, что в этой первичной форме воспроизводство как таковое вообще не может быть обеспечено. Воспроизводство здесь включено в процесс эволюции и есть лишь момент процесса эволюции. Оно все время сопровождается изменением. Когда Карл фон Штайн приехал через 20 лет в ту же деревню, в которой он работал 6-7 лет, он не понял ни одного слова из того, что говорили люди, с которыми он беседовал 20 лет назад. Поскольку они через 20 лет говорили уже в других словах.

Гр: Г.П., а вот Ваше возражение Толе. Оно заключается в том, что те же типы кооперативных связей, они никак не обозначены культурно, есть какой-то момент эволюции и в этом смысле — случайность?

Г.П.: Конечно. И это надо иметь в виду. Потому что, если мы переходим на уровень поведения человеческого, то это и есть материал этого поведения. Оно все время дрейфует, изменяется. И, кстати, когда этот процесс становится ведущим, то человечество начинает деградировать и распадаться. Причем, бешеными темпами.

Як: Можно ли сказать, что это культура без трансляции?

Г.П.: Ну, Вы можете сюда ввести эту функциональную единицу.

Ма: А при чем здесь трансляция?

Г.П.: А потому, что ничего не транслируется. Она каждый раз как вспышка. Набор тех параметров, которые выделил этот второй, копируя этот первый пример деятельности.

Ма: Но культура ведь здесь понимается как отношение между одним поведением и другим поведением.

Г.П.: Нет. Я говорил, что культура как набор этих параметров, определяется этим индивидуальным отношением.

Ма: Сначала Вы определяли культуру функционально, теперь — морфологически. Как набор.

Г.П.: Смотрите. Культура есть связка, констелляция, или композиция этих признаков. И единица есть эти признаки композированные. И как таковая она только и есть здесь культура через это функциональное определение.

Ма: То есть Вы единицу задаете функционально, а потом тут же превращаете ее в макет.

Г.П.: Нет. Я не превращаю..... (Разрыв)
... Я так и сказал. Я могу проделать такой прием.

Ма: Либо Вы его серьезно проделываете...

Г.П.: Я его серьезно проделываю. Но я же уже объяснял. Я могу так делать. С внешней позиции. Поэтому я и говорю. Я могу делать так. Формально правильно. Но не очень осмысленно.

Ма: Формально неправильно. Хотя вроде бы осмысленно.

Г.П.: Осмысленно — это же формально правильно.

Ма: Формально — с точки зрения Вашего рассуждения. С точки зрения Вашего рассуждения, брать культуру без этого отношения копирования...

Г.П.: Я беру с отношением.

Ма: Тогда мне непонятно, при чем здесь трансляция.

Г.П.: Нет никакой трансляции культуры. Больше того, на самом деле культуры нет. Никакой культуры у этой совокупности нет.

Ма: У совокупности нет, а у каждой отдельной составной части есть.

Г.П.: Это бессмыслица: культура этого акта копирования, культура в этом акте копирования, культура в другом акте копирования, культура в третьем акте копирования. И существует она всегда только в одном определенном акте копирования и исчезает вместе с ним. Ничто в этом смысле не передается, не поддерживается, не закреплено. И отсюда возникает невероятно сложный разрыв, этот парадокс функционального и морфологического, о котором я говорил.

Потому что у вас вроде бы культура каждый раз есть, в каждом акте. Но если вы теперь спросите себя, в чем же она, то окажется, что в одном акте одна, в другом другая — по морфологии, в третьем третья и т.д. и нет двух повторяющихся. И поэтому ответить здесь на вопрос, *что есть культура в морфологическом смысле*, просто нельзя. Если вы берете эту совокупность. Этим отличается популятивное целое. В нем функциональная единица, заданная определенным повторяющимся отношением, есть, но это принадлежит только паре из этого популятивного целого, а всей популяции не принадлежит морфологически. И в этом разрыв между морфологией и функцией. Вроде бы единица-то есть каждый раз, в акте, а морфологически она каждый раз разная.

Ма: Тогда надо уточнить понятие трансляции. Трансляция — это есть такой процесс, который предполагает по крайней мере двойное копирование.

Г.П.: Нет, потому что здесь трансляции для меня нет. Не надо мне так определять. Потому что я буду переходить от левой к правой схеме за счет нескольких принципиально иных шагов, нежели Вы сейчас это предполагаете.

Ма: Я не предполагаю. Я сейчас к ответу Толе.

Г.П.: Культура для меня предполагает трансляцию.

Як: Но тогда здесь культуры действительно нет.

Г.П.: Ведь мне теперь надо задать вопрос: а как же осуществляется переход от воспроизводства деятельности без культуры и трансляции культуры к воспроизводству деятельности через трансляцию.

Як: Минуточку подождите. А это исходное полагание этой связки двоих через копирование, сама эта связь — как она может существовать без культуры? Копирование чего происходит?

Г.П.: Предшествующего примера деятельности.

Як: Но пример — это всегда выделение чего-то.

Г.П.: Причем, этот пример выделяется за счет вектора копирования. Т.е. на кого я обращаю внимание... Смотрите. Ведь нечто становится образцом безотносительно к нему самому. Если я взял Вас за образец, Вы стали таким примером. Вы даже можете этого не знать, но я Вас уже сделал примером.

Як: Но еще меня надо «взять».

Г.П.: Да очень просто. Вот я слежу за Вами исподволь, из кустов, и делаю как Вы. И Вы можете даже не знать.

Ве: И Вы даже можете не знать, что сделали образцом.

Як: Значит, образцы и примеры каждый раз морфологичны.

Г.П.: Нет, наоборот. Быть образцом — значит попасть под определенное отношение со стороны другого.

Як: Но для того, чтобы копировать, нужно иметь набор образцов для подражания.

Г.П.: Нет образцов, и в этом все дело.

Як: А что же есть?

Г.П.: А есть другие люди.

Як: Может быть, и не — люди.

Г.П.: Да, они очень часто подражают не-людям. Кстати, человек еще не выделился из природы на этом этапе. Человек ведь выделяется из природы тогда, когда появляется трансляция культуры и культура. Человек выделяется из природы за счет появления культуры. А пока он не выделился. И он подражает животным: змеям, волкам, рыбам.

Як: Может быть, животные не выделились, поскольку человек не выделился?

Г.П.: Нет, они все там разделены.

Як: Но как разделены, в этом исходном акте копирования? Ведь копировать можно, допустим, Вас с Петей, а иногда Вас со шкафом.

Г.П.: А он так и копирует, иногда с Петей, а иногда — со шкафом. Так и происходит. И из-за этого все плывет, и грань между человеком и природным миром очень шаткая. Кстати, зафиксировано сейчас в исследованиях специальных, что идет все время возврат назад. И,

кстати, тот же самый И.Ефремов это тоже понял: выпадение назад в инфернальность. Кстати, Вы можете сейчас это наблюдать каждодневно, в любой коммуне. Люди все время выпадают в животное состояние.

Як: Так где же та грань, отделяющая культурное разделение мира и копирующее?

Г.П.: Где грань — я хочу дальше сказать. Я только подхожу к этому вопросу.

Як: Ну как же, Вы же уже задали отношение копирования... Каким образом?

Г.П.: Эти проблемы меня не занимают.

Так вот, для того, чтобы мы могли перейти к воспроизводству с культурой, должно произойти целенаправленное — *техническое* — отделение и закрепление некоторых актов деятельности и связанных с ними объектов как образцов. Все множество должно разделиться, и из него должна выделиться небольшая часть элитарных, выделенных образцов.

Як: Но и раньше подражалось не всему.

Г.П.: Нет, подражалось тому, что подвергивалось под руку. Кстати, если Вы хотите понять разницу, сравнивайте сельское хозяйство сейчас и до революции. Что раньше было в России? Она славилась своей пшеницей. Лучшие в мире сорта производились здесь в России и отбирались агрономами. И только их можно было сажать. Их заказывали в Англии, Швеции, Норвегии, Австралии. Дальше. Все бараны делились на баранов-производителей и просто баранов.

Як: Но там же были критерии отделения образцов от не-образцов. Образцы давали большой эффект.

Г.П.: Мне сейчас неважно, по чему отбор идет. Мне важно сказать, что происходит такое отделение.

Як: Почему одни элитарные, другие — нет? Что значит «элитарный»? На сельском хозяйстве я понимаю — тут был отбор по эффективности.

Г.П.: Но обратите внимание, там происходило все то же самое — в человеческом сообществе.

??: Брюхо диктовало.

Г.П.: Нет. Происходила вот эта организация, или ранжирование, появилась иерархия. Кстати, это даже в статье Францева про культуру в «Философской энциклопедии» отражено: «Культура — это лучшие, самые выдающиеся образцы материального и духовного производства».

Вот так оно и происходит. Отделяются лучшие, самые выдающиеся образцы — только чего? — актов деятельности и поведения. Причем, по самым разным основаниям. В одних случаях потому, что они действительно эффективны, а в других — потому, что они «главному» принадлежат, главному в данной деревне. В этом смысле социальная организация предшествует появлению культуры. Социальная организация сообщества есть условие выделения культуры, и в этом смысле человеческое-то выделяется через появление социальной организации, которая неразрывно связана с *трудом*. Труд есть фактически социальная организация.

Як: Но тогда надо рисовать социальную структуру.

Г.П.: Если бы меня интересовала социальная структура и я бы имел возможность этим заняться сейчас, я бы этим занялся.

Як: Но Вы же хотите прийти к культуре?

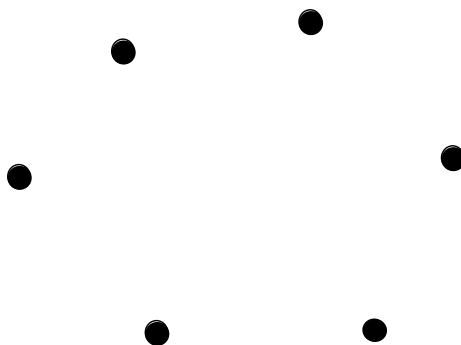
Г.П.: А я уже пришел. Мне нужно только наметить этот переход. Смотрите, что я говорю. Я говорю, что внедрение социальной организации и социальных границ создает одновременно — какими бы они ни были — основания для разделения образцов.

Як: Можно рисовать их как любые, просто нужно обозначить их здесь.

Г.П.: Дальше — это дело техники. Вы можете развертывать Ваши варианты в зависимости от ваших изобразительных средств. Вы можете вот тех поделить на множество стратифицированных образцов, следуя, например, еще вот этой логике копирования одноактного. Но установить, например, вектор ценности слева-направо, тем самым, фактически, установить их ранжирование. И тогда у вас будет горизонтальная, но по сути дела вертикальная миграция. А именно, вот этот образец, правый, будет считаться более значимым, чем каждый левый. И будет, следовательно, идти смещение от одного к другому. И этого уже, между прочим, достаточно для начатков организации пространства культуры как таковой.

Вот как только сами образцы начинают каким-то образом дифференцироваться, и разносятся по некоторой иерархизированной или ранжированной колонке, так сразу же происходит выделение образцов культуры. Это более интересно на следующем шаге моем, когда я буду рассказывать про храмы и культы. Там начинается социокультурная организация, в отличие от социальной. И здесь вообще два вектора: социальной организации как таковой, куда Вы, Толя, меня все время тянете, и социокультурной.

Я-то утверждаю, что первоначально возникает не социальная, а социокультурная организация. Выделяются как бы предельные типы, например, тип охотника, тип шамана, тип вождя, тип женщины, причем, специализированных женщин — женщины-матери, женщины-хозяйки, женщины-любовницы. Начинается такое размежевание. Что это — стратификация в одном ряду? Нет. Такие ряды возникают очень поздно. Сначала возникает деятельностная растяжка в разные стороны. И каждый раз есть эти предельные как бы типы. И целый ряд таких типов и фиксируется как собственно принадлежащие культуре (рис.).

Ма: Как способности.

Г.П.: Так ведь культовая структура, организация службы культуры — она ведь так и сделана. В этом смысл этих политеистических культовых организаций, которые суть не религия, а обеспечение трансляции культуры через образцы деятельности.

Ма: Интересно, что Вы перешли в анализе генезиса культуры от этнографического материала к аксиологическому.

Як: Не он перешел, а можно было бы отнести материал этнографии к этой первой схеме, а аксиологический материал — к этой звездообразной.

Г.П.: Может быть. Но здесь масса очень сложных моментов, которые я не знаю, как разворачивать. Тут нужна специальная работа по разворачиванию всего этого.

Як: Скажите, вторая в ряду приближений к схеме воспроизводства — это вот эта схема, звездообразная?

Г.П.: Нет, это пока объяснение того, как происходит социокультурная организация. Социокультурная — в противоположность социальной. Я бы мог ее назвать социальной, в такой же мере. Или — социопрофессиональной.

Но с того момента, как это все образовалось... Мне теперь нужен еще один шаг... Вот теперь... Вы ведь меня, фактически, спрашиваете: как же теперь начинается организованная трансляция? Вот здесь, в первой схеме, еще не было трансляции.

Як: Там и образцов не было.

Г.П.: Нет, образцы каждый раз функционально появляются, как пример, за счет отношений.

Вот теперь должно произойти следующее. Эти специализированные образцы должны быть выделены, и должна сложиться особая линия поддержания их. И вот здесь начинается трансляция через деятельность, через само воспроизводство деятельности. Есть трансляция культуры как передача из поколения в поколение неизменных образцов как условия воспроизводства деятельности. Здесь образцы соотнесены с социетальными структурами, они суть образцы, по которым реализуются социетальные структуры. Но первоначально, говорю я, возникает, по-видимому, совершенно другой тип трансляции, а именно: трансляция образцов через их непрерывное воспроизводство. А отделяется сам процесс трансляции через разделение светского и сакрального. Собственно, то, что принято называть сакральным, это и есть такое обособленное существование образцов как таковых в некотором специально выделенном пространстве. И здесь организуется тот же самый процесс копирования. Но поскольку он существует в плане сакрального, постольку он и обеспечивает трансляцию культуры через непрерывное воспроизведение, повторение одним и тем же человеком, т.е. поддержание этой деятельности, и подготовку к поддержанию этой деятельности.

Ве: Сакральное — это подлежащее сохранению, отделенное от светского. Грубо говоря, весь этот мир копирования делится на две части: в одной воспроизводятся образцы, а в другой — любые случаи. Идут два потока воспроизводства, по этой же первой схеме. И между ними еще устанавливаются особые отношения.

Як: Как это возможно?

Г.П.: А очень просто. Это уже, фактически, правая схема. Вот здесь идет одно отношение воспроизводства — слева, а справа идет другое отношение воспроизводства. А кроме того, эти правые объявляются священными, сакральными образцами для левых. Ставится это отношение неравенства их. В этом и состоит связь. Теперь что должно начать происходить? Этот обычный механизм такого животного воспроизводства через копирование должен начать все больше и больше вымываться. Но оно ведь никогда не исчезает. Эта схема, правая, представляет собой предельный случай, которому реально-то ничто никогда не соответствует. Это такие предельно организованные случаи, которых реально нет. Ибо у нас всегда есть этот процесс, который я нарисовал слева, процесс непосредственного копирования, который мало-мальски как-то организован.

А теперь ведь что должно начать происходить, чтобы образовалась трансляция культуры? Теперь эти образцы культурные должны начать *отходить от человеческого материала*. Я ведь здесь пока ввел *трансляцию через воспроизводство*. А теперь надо превратить эту трансляцию через воспроизводство в *трансляцию через трансляцию*. А для этого есть только один путь — надо перенести образцы с человеческого материала на материал вечный, неистребимый. Превратить его в знак — вырезать на камне, зафиксировать в виде знания.

Як: Это значит — просто изменить его, этот первоначальный сакральный образец.

Г.П.: Правильно. И поэтому реально-то здесь с какого-то момента начинается совершенно другой процесс. Поскольку сакральное уже по функции своей есть *знаковое*.

Ма: Символическое, точнее.

Г.П.: Пожалуйста. Поскольку оно по функции-то уже становится символическим, — это другое дело, что та жрица живет реальной человеческой жизнью, но она только наполовину живет реальной человеческой жизнью, а больше — она уже *не живет*, она — уже *не человек*. И в этом смысле жрец — он не человек, а он символ. Он — чистый носитель этой деятельности, сакрального. И как таковое, его тело, его воспроизводство и отправления уже не имеют значения. Больше того, там вообще процесс воспроизводства человеческого материала начинает пресекаться. И так идет вплоть до католицизма, где священник не может иметь детей.

Поэтому сначала в качестве не-человеческого материала используется сами люди. Потом начинается уже просто не-человеческий материал для фиксации этих образцов.

Як: Осталось только одно — связать сакральность со светским.

Г.П.: Я же передаю только идею основную. Это надо, действительно, все отработать, проработать, задать механизм, привести примеры, аналоги, чтобы это стало ясно.

Як: Да нет, не по историческому или «примерному» материалу связать, а на схеме. Отдельно идут светские образцы, отдельно — сакральные (символически или не-символически — это частный вопрос). А схема воспроизводства не предполагает разделения сакрального и светского.

Г.П.: Это вроде бы не проблема — то, о чем Вы говорите. Это надо все сделать, понимаете? Но по идее я вроде бы это уже задал.

Причем, именно здесь, на носителях культуры и возникает впервые специализация и профессионализация как таковая и начинает развиваться. Поэтому профессионалы и специалисты — это прежде всего носители культур. И поэтому трансляция культуры начинает осуществляться независимо от воспроизводства деятельности в обществе. Этот процесс отделяется, в первую очередь, за счет отделения культов. И впервые-то трансляция организуется в форме обучения в храмах, т.е. некоторого эзотерического процесса. Но здесь опять множество вариаций в формах, способах, отклонений, т.е. все время идет поиск своеобразный этих форм организации трансляции.

Ну, я для себя так набросал это вроде последовательно, одни, другие, третьи стадии вроде бы расписал, без видимых разрывов, но это только программа для исследования, нежели знание. Ну, собственно, онтологическая проработка и дает только основания для программы исследований, а ничего больше.

Як: Но до схемы-то воспроизводства мы не дошли. Мы проследили только сакральный ряд, и все. Называем ее культурой.

Г.П.: Я ведь начал-то с правой схемы. Потом возвращался назад, дошел к пределу. Теперь мне надо левое взять за основание и снова дойти до правого, заполнив по возможности весь этот процесс промежуточными формами. И выводя одно из другого. Но мне же заранее известно, к чему я должен прийти. И таков способ рассуждений.

Як: Он не только Вам известен. И мы всячески будем препятствовать этому выведению, в этом я вижу нашу задачу.

Г.П.: Ради Бога, Вы препятствуйте. Когда будет настоящая игра и будут заполняться все эти звенья... Это будет многонедельная игра, в которой я буду систематически излагать кусочки. Вы будете уходить на неделю — сможете Вы что-нибудь возразить или нет? Потом следующий шаг. Очень понемножку я буду рассказывать каждый раз, с иллюстрациями, примерами, конструктивно все это. Вы будете говорить: такой механизм неправдоподобен, есть и другие. И мы, проиграв 5-6 лет, получим такую проработку. Одновременно ассимилируем материал.

Як: Или — не получим.

Г.П.: А это уже неважно. Мы же получить *хотим*. Поэтому получим.

Як: Получим, но не такой.

Г.П.: Можно получить и подтверждающие примеры и контрпримеры, требующие объяснения.

Ма: Мне представляется здесь один резон в Толиной жесткой позиции. Действительно, то, что Вы разъединили сакральное и светское... Вы это рефлектируете пока с точки зрения процесса воспроизводства, но можно это рассматривать и с точки зрения распространения на другие воспроизводства.

Г.П.: Ну конечно. Но, смотрите, что мне не нравится в ваших возражениях. Ведь смысл всего этого начинания состоял в том, чтобы показать, что существуют два пространства —

пространство культуры и пространство социетального. Больше того, я вроде бы делаю шаг навстречу вам и говорю: обратите внимание, подлинный-то механизм воспроизводства поведения — это левый, через копирование, он и образует подлинную базу. Но теперь, смотрите, что я говорю, — я говорю: но эти процессы воспроизводства через копирование разделены испокон веков на *два принципиально разных канала* — на ***воспроизводство образцов культуры*** и ***воспроизводство социетальных структур***. Они принципиально разные, ибо воспроизводство социетальных структур *нормируется законом адаптации* или приспособления, а правый — не нормируется законом адаптации, а *нормируется законом развития*.

Вы не очень уловили заход мой. Что существенно, а что — детали мелкие. Я говорю: возникают два пространства; одно — есть пространство, подчиненное законам адаптации, и социетальной, природной среде, и там нет и не может быть развития, в подлинном смысле этого слова, того развития, которое принято называть прогрессом. А развитие, говорю я, вообще существует только в мире образцов культурных, вообще — в мире культуры. Развивается только культура. Теперь я возвращаюсь к этим своим исходным схемам, которые были в 59-м году. Ибо только они развиваются. А развиваются они в силу того, что с самого начала, будь-то культы... вся их жизнь была подчинена другому принципу — не приспособлению, а совершенствованию.

Як: А приспособление разве не может стыковаться с совершенствованием?

Г.П.: Никогда. Приспособление есть хаотический процесс. Поскольку он зависит от неуправляемых параметров изменения среды, постольку там не может быть развития. Там все время есть хаотический поток. Правый блок связан с совершенствованием.

По: А почему совершенствование Вы отождествляете с развитием? Чуковский тоже ратовал за совершенствование языка, но не за развитие его.

Г.П.: Пожалуйста, тогда вы получите законсервированную культуру. Я утверждаю, что слева не может быть развития, а справа может. Это не значит, что оно там обязательно. Оно может быть, оно только туда применимо. Вместе все эволюционирует. Но важно, что справа начинает действовать другой принцип.

Як: А почему это «вместе»?

Г.П.: В той мере, в какой они связаны, и правая может выпихивать образцы для левого, и наоборот, они связаны.

Як: Т.е. они связаны?

Г.П.: Да. А если нет, то мы получаем два пространства: одно, которое существует само по себе, а другое — развивается. Пример — Египет. Возникают две паразитирующие друг на друге системы.

Як: Это правдоподобно не только для древнего Египта.

Г.П.: Правильно. Больше того, это единственное наше будущее.

Як: А чего же связывать тогда?

Г.П.: Все понемножку, постепенно. Это наше будущее. К вопросу о том, что такое методология, какими должны быть методологи, что это такое — это другая форма организации, сохранения, передачи культуры. Особая форма.

* * *

Вычеркнутые последние строки:

По: А социотехника?

Г.П.: В зависимости от того, как Вы будете понимать социотехнику. В пространстве культуры тоже может быть социотехническое отношение.

Текст подготовил В.А.Проскурнин

Харьков, 1998